

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ АРХИВА А. Н. ЛЕСКОВА

Вступительная статья и публикация А. И. Понятовского

Тексты трех неизданных рассказов Лескова были переданы А. И. Лесковой¹ в 1972 г. в Рукописный отдел Государственного музея И. С. Тургенева (Орел) в составе обширного архива сына писателя. Как известно, А. Н. Лесков в течение многих десятилетий, вплоть до своей смерти, собирал не только издания произведений своего отца и материалы для его биографии, но также ревностно занимался поисками и переписыванием сочинений Лескова, затерянных в столичной и провинциальной прессе. Он собирался со временем подготовить книгу под заглавием «Растерянный Лесков», куда должны были войти забытые или неизданные произведения писателя.

Большую и бескорыстную помощь по собиранию «лесковщины» оказывал ему Б. В. Варнеке². В свободное от университетских занятий время он специально ездил в Киев и занимался там «раскопками» в архивах местных газет и журналов, а также розысками среди киевских старожилов. На протяжении 1920—1930-х годов ему удалось найти семь неопубликованных произведений Лескова³.

В своей статье «Растерянный Лесков» Варнеке рассказывает о любопытной черте характера Лескова: «Люди, близкие к редакционному миру прошлого века, знают, что суеверный и мнительный писатель не любил держать у себя дома непринятые редакциями свои работы, оставляя их у редакторов или раздавал близким людям, как столеры охотно дарят стружки из-под своего верстака. Поэтому много разных рукописей ходит по разным рукам. Покойный редактор «Исторического вестника» С. Н. Шубинский хранил немало их в своем архиве. Лет двадцать тому назад он при мне читал изумительную по яркости повесть о сумасшедшем монахе; сам Лесков был уверен, что от этой повести должны повеситься «сам Победоносцев и весь святейший синод»⁴.

В числе найденных Варнеке лесковских произведений были и три публикуемых нами рассказа, тексты которых он переслал А. Н. Лескову. Местонахождение рукописей и корректур, с которых были сняты копии, в настоящее время неизвестно. Но, несмотря на отсутствие автографов и прямых доказательств авторства Лескова, принадлежность ему этих рассказов не вызывает сомнений.

Публикуемые рассказы относятся к последнему пятнадцатилетию жизни Лескова, когда он особенно зло высмеивал нравы господствующего общества, «неблагопристойность» и фальшь церковников. Не удивительно, что в эти годы значительно усилились нападки на произведения «коварного» писателя со стороны реакционных писак и цензуры. Лесков становится в это время болезненно мнительным и во многих очерках и рассказах обличительного свойства старается скрыть от «синодалов» свое авторство. Его сочинения часто появляются в печати под псевдонимами, а рукописи посылаются издателям обычно переписанными доверенными лицами и без подписи⁵.

Первый из этих рассказов — «Счастье в двух этажах» — предположительно написан в 1881—1883 гг., хотя действие его приурочено к осени 1876 г. и он воспринимается как непосредственный отклик на появление в печати романа Достоевского «Подросток». В самом начале рассказа имеется прямое доказательство того, что он не мог быть написан сразу после напечатания «Подростка» в «Отечественных записках»: это — упоминание о вечерах в доме петербургского сановника, в котором легко угадывается Н. Х. Бунге, только в 1880 г. переселившийся из Киева в Петербург (см. о нем примеч. 2 к этому рассказу).

Как рассказывает Варнеке, с рукописью этого произведения приключилась забавная история, о которой ничего не знал автор. После появления в «Киевской старине» (1883, № 2, 3, 4) лесковских очерков «Печерские антики» издатель и редактор журнала Ф. Г. Лебединцев предложил автору прислать еще один «антик» и выслал ему аванс в 100 рублей. В том же году Лесков послал щедрому издателю рассказ «Счастье в двух этажах». Оборотистый владелец журнала, прочтя присланную рукопись, решил, что из этого произведения можно извлечь большую пользу для себя. Под именем Фортуната Дубова, героя рассказа, можно было легко узнать крупнейшего финансиста Киева, который когда-то одолжил издателю «Киевской старины» под вексель крупную сумму денег.

«Зная, как не любят огласки своих домашних обстоятельств люди такого рода,— пишет Варнеке,— Лебединцев отдал рукопись ему в обмен на свои векселя, а автора уверил, что из-за цензуры этого печатать нельзя, и великодушно «простил» аванс Лескову. После смерти Лебединцева его преемник, знавший подробности этого выгодного оборота, нашел в его бумагах копию, какую тот предусмотрительно снял с рукописи, так удачно вымененной на векселя, и решил повторить вольт Лебединцева. Но лицо, названное в рукописи Дубовым, к тому времени почивало на Аскольдовом кладбище, зато были живы его дети, и им была показана рукопись, с угрозой ее напечатать, если от них не поступит новый вклад в неизменно скудную казну журнала. Те, однако, возбудили дело в Окружном суде о шантаже летом 1899 г. и поручили все его ведение опытному юристу, сумевшему привести дело к полюбовному соглашению, почему оно в суде и было прекращено. Письмоводитель этого адвоката сохранил у себя «вещественное доказательство» — рукопись рассказа, которая ниже восстанавливается настолько, насколько поддавалась прочтению сильно попорченная временем, хранившаяся в сыром месте рукопись, сделанная небрежно, с не везде дописанными концами слов, а может быть, и с пропусками, женским почерком, на плохой канцелярской бумаге»⁶.

В 1937 г. Варнеке переслал текст рассказа А. Н. Лескову. В их переписке этого времени содержатся любопытные сведения и соображения по вопросу о принадлежности рассказа Лескову.

«Счастье в двух этажах», — писал 20 ноября 1937 г. Варнеке, — получено и пересылается к вам по праву «твоя от твоих». Из письма Л(еоида) П(етровича) увидите, что он не сомневается в принадлежности ее перу Н(иколая) С(еменовича)⁷. А как вы думаете?» (ГМТ, ф. 34, № 6499)*.

В ответном письме от 19 декабря 1937 г. А. Н. Лесков сообщал: «...сегодня утром закончил копирование «Этажей». Осталось их считать, и тогда один экземпляр поплывет в «Одесту», спасающую третий любопытнейший опус Лескова от тлена и «растерянности» (...) Бесспорность авторства «прет» в каждом «извитии» слова и содержания. Вопреки предположению Леонида Петровича, мне здесь доказывать просто нечего, до того здесь нет ничего не-лесковского. Все имена не раз проходят по моей предметной картотеке занотованными из многих его статей и очерков, преимущественно первой половины писательства. Утомительное обширное перечисление промысловых операций Дубова в нудно очерчиваемой сети определенного водного бассейна, действительно, досадно снижает пульс повествования, но такие длинноты у автора попадались нередко. Рискну послать вам серию его фельетонов «дорожных» в «Пчеле». Он сам писал, что знает Россию «от Белого моря и до Черного и от Брод до Красного Яра». И везде, всегда его в первую голову интересовало экономическое и промышленное положение посещавшихся им местностей. Мариинскую и Тихвинскую системы он знал прекрасно, мог знать и Огинскую. Но, может быть, что-нибудь и подчитал. Хотя специальных географических сочинений мне не помнится, как и обще-энциклопедических словарей. «Пчела» вам скажет много и лучше меня. По-моему, это все очень близко к теме подвигов по лесу Дубова.

Рассказ очень неоднороден: тут и мотивы будущих «фефел» и «пуртуферок» (не «Амура», т. е. «Житие одной бабы», там чистый «крестьянский роман»), и «архиерей-

* Далее при ссылах в тексте на материалы из архива А. Н. Лескова название музея и номер фонда опускаются.

ские мелочи», и полемичное «отомщевание» Достоевскому, его «профетским вещаниям» <...> Фокус — оценка «реализма» Достоевского <...>

Но кто же сей Дубов и дети его — Харьковы? «Побывшился» ли род сей, или и ныне отпрыски его топчут киевскую или иную землю?» (№ 6500).

Обстоятельный ответ Варнеке, написанный 1—3 января 1938 г., не добавил ничего определенного к вопросу о прототипах героев рассказа: «Вы задаете мне ряд вопросов насчет участников «Двух этажей». Ответить на них не могу, потому что я этого круга людей не знал. Моя жена, киевлянка, была тогда ребенком, а особа, доставившая этот очерк, такая непромешанная дуреха, что, если бы она и знала что-нибудь, положиться на нее я не рискнул бы.

Из участников «рамки» — введения и заключения — Бунге вне сомнения, а остальные лица едва ли портреты, это по закону построения диалога — человеческие вешалки для мыслей самого автора, поданных в их разнообразии для освещения вопроса со многих подступов. Ради этого ведь и берут форму диалога. И художник и архимандрит, мне кажется, не выходят за пределы таких служебных орудий. Очень правдоподобна ваша догадка, что эта рамка вставлена после, для того чтобы из самостоятельного рассказа сделать орудие для уязвления Достоевского, чувства к которому видны из присланных вами писем...»⁸.

Второй рассказ — «Клоподавие» — яркий образец лесковской сатиры, острое обличение монастырских нравов, а вместе с тем и церкви вообще. Рассказ также предназначался для «Киевской старины», был принят редакцией и набран, но затем подвергся исключению. Варнеке обнаружил гранки его в 1939 г. в архиве «Киевской старины», снял с них копию, которую и выслал А. Н. Лескову. Вслед за тем, в письме от 28 октября 1939 г. он писал об этой копии:

«Она снята с гранок из архива «Киевской старины». На левом углу внизу синим карандашом: 1. Непристойно. 2. Задеты иконы. 3. Злой выпад на высокочтимого проф. Ламанского и др. Изъяты. И две буквы.

Никаких внешних признаков принадлежности Н(иколаю) С(еменовичу) нет; подписи внизу нет. Но зато внутренних хоть отбавляй: 1) Усов. Орел. 2) Выпад против Аристового (сравни «Вдохновенный бродяга»), 3) «Рамочная» композиция, излюбленная Н(иколаем) С(еменовичем): а) Пролог — Шатобриан. б) Буслаев. в) о. Созонт. г) Новозыбков. д) Буслаев. Итак: вступление и рамка с двумя внутренними новеллами-анекдотами. Такое устройство идет еще от Боккаччио. Ценность невелика, но забавно, и очень ядреный язык; чего стоит хотя бы «любовная стрела», прямо взятая из песней на девишнике:

Как сладка и как страшна
Копье — любовная стрела.

Если вы не признаете возможным включить эту безделку в собрание находок «растерянного наследия», верните листочки; если же пожелаете их сохранить наподобие «Любви в 2 этажах» и т. д., будьте добры выслать мне две копии на машинке, из коих одна будет отправлена в Киев, где перечитано немало хлама в поисках этой находки. Зато теперь, говорят, уже обшарены все закоулки и собрано все, что новейшие мастера изданий вносят в раздел *dubia et spuria*⁹. Очень буду рад узнать ваше мнение» (№ 6525).

3 декабря 1939 г. А. Н. Лесков отвечал ему: «Перехожу к последней драгоценной вашей присылке. Бесспорность авторства Лескова вне диспутирования и, надо думать, убедительно подтверждается прилагаемым пояснительным моим к сему артиклю послесловием. Язык, даже для Лескова, исключителен, а фигуры великолепной лепки (вышло как-то нескладно, но искренно). Эта бескорыстная, «соп атоге», из любви к искусству, в котором явно была неленость, старуха-сводня! Все ее скупо намеченные движения и «соковитый» язык! Восторг. Не умеют сейчас так дать образ в десятке строк. Живая. Созонт с «потребным его сану сном», «доброхотной богомолкой», «исчезнувшей яко воск пред лицом огня» и т. д. Все положительные перлы «соковитой» речи! «Сербины», революция Порфирия, — да все кругом так ярко, сильно и звучно <...> Страшно одно — уж больно местами рискованно. Боккаччио прощается и несколько

большее и менее «прикровенными» словами выраженное ... А вот, простится ли меньшее дерзновение Лескову?» (№ 6526).

Вопрос о датировке «Клоподавия» может быть решен только приблизительно. Рассказ не мог быть написан ранее 1886 г.: в нем упоминается вторая часть книги Ф. И. Булаева «Мои досуги», вышедшая в свет в феврале 1886 г. (ценз. разр. 10 февраля 1886 г.). Наиболее вероятно, что рассказ был написан в 1887 г.

Третий, тоже сатирический, рассказ — «Лорд Уоронцов» — явился прямым откликом писателя на откровенно реакционное выступление одесского архиепископа Никанора — в дни, когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Пушкина, этот церковный деятель победоносцевского толка произнес в Новороссийском университете речь, «полную самого бесстыжего фарисейства и наглого искажения мыслей и чувств поэта». Другим фактом, побудившим возмущенного Лескова написать этот рассказ, было незаконное увольнение одного киевского учителя только за то, что он «на уроках осуждал Воронцова за гонения на Пушкина». Фигуру графа Воронцова, одного из самых ярых гонителей великого поэта, и вывел сатирически Лесков в своем рассказе, затронув вместе с тем и самого Николая I. Рассказ «Лорд Уоронцов» может быть поставлен в один ряд с незаконченным романом Лескова «Чертовы куклы», над которым он работал в конце 1880-х гг. Сам писатель так определил «главный элемент» этого романа: «... *серальный* разврат и нравы *серальных* вельмож. «Борьба не с плотью и кровью», а просто разврат воли при пустоте сердца и внешнем лицемерии» (письмо к В. М. Лаврову от 14 июня 1889 г. — Лесков, т. 11, с. 431). Эти слова с полным основанием могут быть применены и к публикуемому рассказу.

История его легко прослеживается по той же переписке А. Н. Лескова с Варнеке.

«Прилагаю два листика письма к Пихно, из папок которого при мне извлекли автограф на бумаге в клеточку, — писал Варнеке 1—3 января 1938 г. — Года нет, но по адресу квартиры нетрудно будет установить приблизительные пределы. Если в вашем собрании копий с писем этого нет, приложите. Других писем Н(иколая) С(еменовича) там не было» (№ 6503).

Недатированное письмо Лескова адресовано редактору газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно¹⁰. Речь в нем идет, очевидно, о рассказе «Лорд Уоронцов». Приводим его полностью.

«ПБ. Фурштадская 50, кв. 4

Истинно уважаемый Дмитрий Иванович!

Вашу газету я хорошо знаю и люблю и уважаю не только как человек, прошедший «на заре своей туманной юности» на стогнах вашего дивного города, но и за то, что она ведется умно и чистолюбно, увы, не в пример многих и слишком даже многих своих столичных собратий. Когда вижу ее листы на столе у А. С. Суворина, не пропускаю случая пробежать. Тем приятнее мне были и ваш щедрый аванс и приглашение кое-что прислать в его погашение. Я не избалован гостеприимством издателей и рад всякому случаю завязать новые связи с издателями, особенно, если они вашего опыта и уровня знаний. Для первого опыта просмотрите эту вещичку. Ее малые размеры подогнаны к установленным вами пределам.

Если найдете нужным, пустите ее под каким-нибудь именем, придуманным вами: и ваш киевский слеток В. Г. Авсеечко частенько выводит меня у себя с подписью весьма прикровенной.

Еще раз спасибо от преданного вам Н. Л е с к о в а.

Я человек нетерпеливый и мнительный; не томите и поскорей сообщите об участи безделки» (№ 6504).

В недатированном письме А. Н. Лесков отвечал своему одесскому корреспонденту: «С Пихно и «Киевлянином» непременно займусь на досуге. Досадно, что нет даты. А на Фурштадской, 50, отец жил ведь почти 8 лет. За копию письма к Пихно большое спасибо. Нельзя ли хоть несколько сузить диапазон времени его? У Суворина отец

последние годы бывал крайне редко, но все же мог быть и видеть «Киевлянина» там и в 91 и в 93 гг.» (№ 6505).

3 мая 1939 г. Варнеке послал свою новую находку. В сопроводительном письме он сообщал: «Пользуясь вашим разрешением и передаю киевскую находку; куча все к тому же растущих дел не позволила ее перевести на чернила. Подлинник написан женским крупным продолговатым почерком. Понятно, почему Пихно ее отверг: и соблазнительного слишком много для провинциальной газеты, и явные намеки на дворцовых павианов, потребителей смолянок. Любопытна она теперь горячей защитой Н(иколаем) С(еменовичем) Пушкина <...> Жду вашей оценки нового «обломка» из «растерянного» Лескова» (№ 6513).

Основываясь на письме к Пихно и на соображениях А. Н. Лескова, можно думать, что рассказ «Лорд Уоронцов» был отправлен в Киев не позднее 1891—1893 гг. Но вероятнее всего, что написан он был Лесковым раньше, явившись непосредственным откликом на 50-летие со дня смерти Пушкина и на недостойную речь о поэте, произнесенную одесским архиепископом Никанором. При таком допущении рассказ можно датировать 1887 г.

Все три рассказа публикуются по копиям, поступившим в ГМТ в составе архива А. Н. Лескова: «Счастье в двух этажах» — ф. 2, № 5947; «Клоподавие» — № 5948; «Лорд Уоронцов» — № 5949. Случайные описки и очевидные ошибки, обнаруженные в копиях, исправлены без оговорок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Анна Ивановна Лескова (1894—1976) — вдова А. Н. Лескова.

² Борис Васильевич Варнеке (1874—1944) — историк русской литературы и театра, профессор Новороссийского (Одесского) университета. В ГМТ хранятся его воспоминания «Две встречи с Н. С. Лесковым» (ф. 34, № 6482) и переписка с А. Н. Лесковым за 1928—1941 гг.

³ Из них три были опубликованы: «О книгодрательном бесе» («Посев». Литературно-критический и научно-художественный альманах. Одесса, 1921, с. 83—86; напечатано в выдержках); «На смерть М. Н. Каткова» («Звенья», т. III—IV. М.—Л., Academia, 1934, с. 894—902); «Административная грация» (Альманах «Год XVII», М., Гослитиздат, 1934, с. 377—385). Кроме названных, в письмах к А. Н. Лескову Варнеке упоминает еще запрещенную цензурой VI главу «Очарованного странника», которую он предполагал передать в Пушкинский дом: Местонахождение этой рукописи в настоящее время неизвестно.

⁴ «Посев», с. 83. Заглавие этой статьи А. Н. Лесков хотел использовать для задуманного им сборника затерянных произведений Лескова. В письме от 3 июня 1929 г. он просил у Варнеке разрешения на это (ГМТ, ф. 34, № 6487).

⁵ В воспоминаниях «Две встречи с Н. С. Лесковым» Варнеке приводит слова В. Г. Авсеенко, который был в 1883—1895 гг. редактором «С.-Петербургских ведомостей»: «Я мог бы, конечно, и даром все это устроить, послать ему корректуру с рассылным, — пояснял Авсеенко. — Но Лесков совсем рехнулся со своей мнительностью: статья его, как он выражается, «с приключениями», и он боится, как бы не раскрылось его авторство. Поэтому он требует, чтобы корректуры его никак не давали рассылным, которые, мол, готовы за двугривенный выдать его корректуру самому заклятому его врагу — Тертию Филиппову «со аттелы». Вот потому ради его капризов приходится идти на расход и посылать кого-нибудь из сотрудников» (ГМТ, ф. 34, № 6482, л. 1).

⁶ Заметки Варнеке к истории рассказа «Счастье в двух этажах» (ГМТ, ф. 34, № 5950).

⁷ Варнеке показывал рассказ Л. П. Гроссману, литературоведу, в круг интересов которого входило и изучение жизни и творчества Лескова.

⁸ ГМТ, ф. 34, № 6503. «Догадка» А. Н. Лескова изложена им в письме от 24 декабря 1937 г.: «Мне приходит в голову — не написал ли отец эти «этажи» раньше, может быть, вблизи выхода «Подрустка», но не решился публиковать или не нашел редакторов, охочих на то. Не «поспал» ли они в нижнем ящике письменного стола, а потом, при случае, извлеченные и проправленные, — посланы в Киев с придачей им позднейшего обрамления (Бунте и пр.)?» (ГМТ, ф. 34, № 6501).

⁹ *Dubia et spuria* (лат.). В научных собраниях сочинений так назывался раздел, в котором помещались произведения, приписываемые автору, принадлежность которых ему не доказана.

¹⁰ Дмитрий Иванович Пихно (1853—1912) — экономист, профессор Киевского университета. С 1879 г. стал редактором газеты «Киевлянин», основанной в 1864 г. историком и публицистом В. Я. Шульгиным.

СЧАСТЬЕ В ДВУХ ЭТАЖАХ

(КИЕВСКИЙ ВАРИАНТ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ К «БУМАЖНЫМ» ЛЮДЯМ НЕВЫ)

Буду яко же роса Израилю, процветет яко крин, и прострет корение свое яко же Ливан. Пойдут ветви его и будут яко же маслина плодovита и обоняние его яко Ливана. Обратятся и сядут под кровом его, поживут и утвердятся пшеницею и процветет яко виноград память его, яко же вино Ливаново *.

Пророка Осии, гл. 14, ст. 6—8.

Глава первая

Осенние книжки «Отечественных записок» бурного 1875 года приносили любителям чтения великую радость — «Подросток» Ф. М. Достоевского ¹. Как всякое произведение этого полнoдyмного и многострастного пера, и это повествование великого тайновидца страстей человеческих давало обильную почву для споров и для толков самого противоположного характера в самых разнообразных кружках.

Обсуждали его и устно и печатно, и журналы и газеты, и студенты Университета и Духовной Академии, медики и художники с Васильевского острова, в офицерской и чиновничьей и просто обывательской среде за обеденным и чайным столом и от дворцовых зал до маленьких хибарок заречной Охты.

Коснулась его речь и на тех собраниях, которые много лет подряд привлекали тесный круг единомышленников в просторные палаты одинокого престарелого сановника, каждый первый понедельник каждого месяца от октября до Пасхи собиравшего у себя за фруктами и стаканами рейнвейна несколько художников, ученых разных специальностей, лаврского архимандрита и двух-трех писателей, чтобы в этом испытанном обществе поделиться мыслями насчет тревожных вопросов тогдашней сложной и путаной жизни ².

В вечер, когда роман подходил уже к концу своего печатания, определен с полной ясностью и главную нить своего содержания и основные характеры, ближайший друг хозяина дома, известный художник-маринист, стал восторгаться новыми откровениями романа:

— Какое поразительное и неиссякаемое дарование у этого человека! В нашем будничном Петербурге, за мертвыми стенами наших однообразных домов его волшебный глаз сумел подсмотреть потрясающие драмы, какого-нибудь простого Макара Ивановича поднять до высоты редкого подвига, в душе немудрой женщины открыть великую красоту жертвенной любви и самого полного самоотречения от первейших прав и возлюбленной и матери, а в молодой душе невзрачного подростка густой посев и страстей и волнений, разрешающихся выстрелами и нервными недугами. И все это дано с редкой силой и жизненной и художественной правды...

Все вторили своими дополнениями этому восторженному отзыву, и наш хозяин, предпочитавший останавливать мысли своих гостей на добрых плодах жизни и ценных вкладах, еще глубже ушел в свои высокие кресла, плотнее укрыл больные ноги в тигровый плед и, сбивая пепел своей сигары, заметил:

— Итак, друзья мои, — возблагодарим богов за их новую милость! На достаточно засоренной бурьяном и худосочными злаками ниве российской словесности расцвело новое чудное растение, насажденное мастерской рукой великого творца «Преступления и наказания»!

* Я буду росой для Израиля; он расцветет, как лилия, и пустит корни свои, как Ливан. Распираются ветви его, — и будет красота его, как маслины, и благоухание от него, как от Ливана. Возвратятся сидевшие под тенью его, будут изобиловать хлебом — и расцветут, как виноградная лоза, славны будут, как вино Ливанское.

— Разрешите внести маленькую поправку,— сказал лейб-медик хозяина, перешедший с ним из Киева на должность дивизионного врача в гвардейскую кавалерию. Моя служба теперь больше состоит в поздравлениях высоких особ гвардии и флота с торжественными днями, и свой одинокий досуг я коротаю в читальне нашей дивизии, куда гусары и уланы заглядывают не слишком часто. Попал и мне этот роман. На счет его занимательности спорить не буду, а вот в рассуждении правды и реализма полагаю, что сей бытописатель к натуре неизменно прилагает от себя весьма многое и в простое течение мирной жизни ввергает бурные потоки своих личных страстей и метаний. На суд моего долгого опыта, жизнь куда проще и бледнее, и там, где под пером г. Достоевского бьются о скалы мятежные волны, она тихо идет ровной струей уступок и соглашений. Бедные люди давным давно утомились бы жить, если бы им при таких бурях разум и воля не помогали все устраивать гораздо покойнее...

— Ну какой же разум и воля могут покойно наладить жизнь там, где муж должен любимую жену отдать другому и называть чужих детей своими? — воскликнул маринист, вздымая к потолку сверкавшие под очками глаза.

— Самые обычные,— тихо ответил доктор.

— Невозможно и недопустимо,— продолжал на еще более высоких нотах художник, панегирист романа.

— И возможно и допустимо, потому что было на деле,— ответил доктор и, видимо, задетый за живое возражениями мариниста, прибавил: разрешите отнять у вас полчаса повестью из своих наблюдений?

Получив полное и радостное согласие слушателей, доктор налил себе новый бокал рюдестеймера, удобно облокотился на спинку кресла и начал с вопроса:

— Вам памятно, что моя жизнь до старости прошла в Киеве со юных лет семинарского ученья до службы в полковых врачах местного гарнизона, и вот про одно киевское знакомство и пойдет моя речь...

Глава вторая

Киевского митрополита Евгения Болховитинова современники прославили не только за безмерную ученость и редкое усердие мелочных изысканий, но и за дар распознавания и умелой оценки с первого взгляда людей³. Среди многих книг, неизменно заполнявших рабочий стол его ученой келии, будто бы находилась одна с надписью *Personalia*, куда владыка после каждой встречи своеручно заносил имя и положение нового знакомца, с краткой пометкой его свойств и нравов.

За недолгие годы его пребывания на Вологодской кафедре его зоркое око отметило среди ставленников юного диакона Семена, которого запись в тетрадах *Personalia* отметила: «пристоен на облик, обещает рачительную деловитость», почему скоро он и был рукоположен во иерея. Незадолго до перехода владыки на Киевскую митрополию сюда приросли еще 2 строки: «По рапорту благочиния овдовел. Был бы изряден в иноках».

По переезде в Киев владыку стали удручать и тяготить нестроения местных обителей, а особливо старейшего Михайловского Златоверхого монастыря, где богатый приток поступлений от несметного множества паломников «ко великомученице» таял, как снег под лучами весеннего солнца, в нерадивых руках неграмотного о. казначей, для направления и вразумления которого не хватало ни твердости, ни хозяйственного опыта у благостного, но слабого о. настоятеля⁴.

Прохождение своих иноческих подвигов о. казначей свел наипаче к заботе об утешении вдовиц и сирот, и вот, когда одна из последних, куп-

Н. С. ЛЕСКОВ ЗА РАБОТОЙ

Гравюра с рисунка В. В. Полякова

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

чиха с Демиевки ⁵ лет под 50, отягощенная бременем вдовьего одиночества и воздержания, затосковала не в меру у себя на хуторе под Борщаговкой ⁶, ее родичи вызвали в утешение ее скорбей о казначея, и вдова там так плотно к нему прилепилась, что обитель заволновалась долгим отсутствием своего казначея, отвечавшего на увещательные призывы братии, что опасается, как бы неистовствующая в озлоблении своих телес вдовица не удержала его при своем одре «дондеже не изыдет последний кодрант»... Ясно, что при таких упражнениях отца казначея хозяйство обители хирело и близилось к оскудению.

Призванный к ответу чрезмерно о вдовах рачительный инок ссылался на древнего Сабинианина, столь живо описанного в посланиях блаженного Гиеронима, но владыка преподал ему назидание подходить к древним образцам не зря, а с толком и осмотрительным выбором ⁷.

И вот возвращаясь к себе в Лавру, 4 декабря, с «храма» и уставной трапезы от Варвары и воочию убедившись и по ветхости и неприглядности парадных облачений и по убожеству учрежденной для почетных гостей трапезы, владыка решил, что надо изъять нерачительного казначея из славной обители и вручить ее добро домовитому и зоркому управителю. В поисках такового мысль святителя остановилась среди имен тетради Personalia на образе вологодского вдовца. В час ближайших занятий со своим секретарем владыка приказал ему изготовить в Вологду вызов иерея на трудное, но почетное место при себе. К Крещенью пришел из Вологды благодарственный ответ вдового попика, с готовностью променять свое одинокое пребывание на приходе на служение в древней обители великомученицы Варвары, а следом за письмом прибыл и сам иерей.

Из долгой с ним беседы Евгений усмотрел полную справедливость своей давней оценки и, оставив его при себе в Лавре, благословил готовиться к принятию ангельского чина. К маслянице новый инок, принявший имя Серапиона, вступил в должность Михайловского казначея вместо своего предшественника, перемещенного в дальний скит.

Сперва из докладов настоятеля, а в день следующей Варвары и из личного наблюдения Евгений познал всю меткость своей давней оценки и благопригодность замены о. Серапионом его падкого на далекие от иноческих обетов сладости предшественника. Об этом свидетельствовали и отменный подбор облачений для сослужившего владыке собора, и блестящая чистота перекрашенных стен храма, и изысканное изобилие трапезы, предложенной на изрядной и тонкой посуде ко всеобщему удовольствию именитых гостей, славивших владыку за мудрое назначение.

Глава третья

Недолгий брак о. Серапиона был бездетен, и в холодной Вологде при нем жила сестра, вдова пономаря, с сыном Фортунатом⁸. Ко времени перехода в Киев умерла и сестра, и круглого сироту о. Серапион по первой легкой дороге через торговых людей Вологды, притекавших помолиться у киевских святынь, вывез в Киев и поместил в Духовное училище, откуда отрок в положенный срок приспел и до семинарии. И тут и там он утешал и своими успехами в науках и добронравием дядю, проявляя и усидчивость в занятиях, настойчивую волю и быстро зревший ум. На праздниках и на вакациях юный Фортунат, силой и своего здоровья и ума вполне оправдывавший единственное свое наследие от родителей, крепкую фамилию Дубова, переселялся из смрадных стен старой бursы в просторные казначейские покои, подкрепляя свои молодые силы здоровой и обильной пищей и помогая дяде в его счетоводстве и переписке. Так исподволь открылась перед ним во всей своей полноте сложная сеть хозяйственных оборотов и деловых расчетов.

Рано cum eximia laude* закончил Фортунат Карпыч Дубов курс семинарских наук. Молодые годы не допускали и мысли о назначении на приход к великому горю богатых отборными невестами киевских матушек, готовых с великой охотой отдать и невинную красоту и до верху набитые отменным приданым сундуки в руки видного жениха, племянника влиятельного дяди, взысканного заслуженным расположением самого митрополита, что открывало и для родителей и для братьев и для зятев его будущей супруги самую надежную и прямую протекцию, столь нужную в быту духовенства.

То же самое влияние дяди открывало бы Фортунату и заманчивые двери славной Академии при Братском монастыре, если бы и без того его семинарский диплом не сиял по всем предметам сложного курса сплошными оценками optime **. Но юноша еще на семинарской скамье успел люто возненавидеть кислые умствования лютеранских пиетистов, какими в те годы православное богословие напрасно тщилось подковать хохлацкие умы на борьбу с соблазнами латинства, по указке свыше смешивая византийское тонкословие с туманными выспренностями Вольфа⁹ и Канта. Эту ненависть юноши к бесплодным потугам философии закаляло его природное упорство, вполне оправдывавшее его родовое прозвище: с несокрушимостью дуба противился он уговорам и наставников и дяди, соблазнявших его через академические врата уготовать себе быстрый и прямой путь к почету и власти епископского сана. Уроженца сурового севера

* с похвальным отличием (лат.).

** очень хорошо, отлично (лат.).

не манили ни четверки архиерейских выездов, ни стояние на орлеце, ни окружение и рипидами¹⁰ и свитой жезло- и свещеносцев, иподьяконов и другой святительской челяди. Он тянулся только к свободному общению с книгами.

При узости тогдашних путей для выходца из семинарии ему оставалось до «прихода в удобный для иерейства возраст» одно учительство, к которому он и приступил в Духовном училище в одном из стариннейших городишек Волыни. Мирно там обучая отроков эллинской и латинской премудрости, он страдал от скудости в книгах, к которым его приучили богатые библиотеки Киева. На свои недостатки он пробовал кой-что добывать от заграничных книготорговцев, но в строгие годы после событий 1825 года недреманное око перепуганного начальства косо взирало на такие сношения и от них пришлось воздержаться.

Посему сугубо велика была его радость, когда через управителя граничившего с городишком необъятного поместья знатного магната, годами не выезжавшего из потребной будто бы его здоровью Италии, он обрел доступ к богатствам графской библиотеки.

Вдовец чех, окруженный ненавидевшим чужеземца крепостным населением, рад был так приятно сменить свое одиночество на частые встречи с умным юношей, а тому богатое имение графа с заводами и большой торговлей позволило оживить и расширить то знание, какое он приобрел у дяди, новым опытом. Чех, фанатик своего дела, был рад найти в Фортунате Карпыче понятливого и усердного слушателя и своим намерениям и своим справедливым жалобам и на равнодушие беспечного владельца и на косность забитого населения. Удалось Фортунату Карпычу побывать и под Пинском, где на берегах Ясельды лежит Поречье, исконное имение Скирмунтов, впервые в тех краях по-силезскому образцу наладивших правильное лесоводство и лесосеяние, разбивших вековые болота сетью каналов, для спуска вод в быструю речку. Веснами сотни пинчуков гнали в имение нарубленный за зиму лес. Уход за лугами давал по два раз в год косить пахучее сено. Вызванные из Силезии мастера научили разводить превосходные ворсильные шишки, какие раньше приходилось нашим промышленникам выписывать из Франции за великие деньги.

Ко всем этим приемам Фортунат Карпыч присмотрелся и понял своим трезвым умом, какие богатства таит лес и болото для человека с головой и с охотой работать.

Глава четвертая

Так прошло немало лет, в течение которых о. Серапион, променяв Михайловское казначейство на настоятельство в одном из крупнейших монастырей, открывшее также широкое поприще его трудолюбию, был возведен в епископский сан и послан в Сибирь, где затем и окончил свое житие, оставив своему единственному наследнику, Фортунату Карпычу, изрядное наследство.

Уговоры старого чеха и своя твердая вера в свои силы побудили его бросить учительство и взяться за самостоятельные предприятия. Он давно уже знал, как широко можно расширить лесное дело по Днепру, прозаввавшее в руках у беспечных панов и подпанков и ленивых хохлов и белорусов. Его притоки Сож, Припять, Вопь, Осьма, Березина, у которой свои притоки Поня и Сергуч, чрез каналы Березинской системы соединяют в один великий путь озера Пелик, Манец, Плавьё и Берешто. Огинский канал через реки Ясельду и Шару подводит Днепр к Неману, и этими путями захватываются пристани Мозыря, Гомеля, Вешки, Пропойска, Чернигова и Кричевы; из них только одна Кричева отпускала в год 15 000 пудов лесного товара¹¹.

Кроме старинных плотов, Фортунат Карпыч подобрал с разных мест самые разнокалиберные суда: плоскодонные люзы, широкие беспалубные гончаки, громадные берлины от 25 сажень в длину и 15 аршин в ширину с высокими мачтами в две реи.

На этих судах с рум, или катиц, сплавляли леса, добытые рубкой за всю зиму, свозя их после рубки на дровнях. С тех же рум, или катиц, гнали бревна по воде, или россыпью или сплотив колоды в клеины, тафли, гребенки и плетеницы поперечными жоростями.

Орша, Коханово на реке Соколянке, угодье сперва Сапег, потом Шемиотов, Старый Толочин, Крупки князей Сангушек, Борисов, Смоленичи, Логойск на реке Чайне, Гомель, Пиреловка, Морино, берега воспетого Мицкевичем озера Свитезя, Леховичи, Видибор, Горынь, Дятловичи, Пинск, Лахва у Припяти, Житковичи, древний Туров и множество других местечек выдали Фортуната Карпыча не по одному разу в год.

Широким кольцом захватив в свои руки сплавку леса, Фортунат Карпыч наладил и деревообдельные промысла: завел в Речицком уезде в деревне Красновке и Горичевке мощные лесопильни, развил сухую перегонку леса, добывая для бумажных фабрик целлюлозу, древесную клетчатку, уголь, уксусную кислоту, древесный спирт и скипидар. Ни одна мелочь у умного хозяина не пропадала даром. Из самых маленьких обрезов дерева он наладил производство деревянных сапожных гвоздей.

Широкую сеть деловых оборотов, конечно, удалось наладить не сразу: начав с малых дел по близости от хорошо годами изученных мест, Фортунат Карпыч, в каждую свою поездку, а в первые годы он редко сидел дома и не боялся ни летнего зноя с тучами гнуса и комаров по Припяти и ее болотами, ни зимней стужи, он все больше ширил и множил свои обороты, зорко присматриваясь, где какому промыслу, чахнувшему в руках у сонных и вялых помещиков и пинчуков, надо дать вольный простор и твердую поддержку.

Все спорилось у него, потому что ни одной мелочи он не выдумывал и не вводил зря и наобум, а все делал, изучая на месте нужды жителей, лишенных смелости для почина и оборотных средств.

Лучшими советниками ему были монастырские казначеи. На своем дяде научился Фортунат Карпыч ценить их деловитость и умение узнавать из бесед с богомольцами спрос и предложение каждого рынка. Как раз в те годы под властной рукой киевского владыки Арсения Москвина на развалинах папской унии эти края покрывались православными обителями, обильно снабженными от казны лесными угодьями¹². Самим обителям вести лесную торговлю с ее переездами было не с руки, и отцы настоятели были рады найти в Фортунате Карпыче своего надежного агента от «корня Левитова», аккуратно снабжавшего казну их обителей добросовестной расплатой за товар, а самих отцев щедрыми дарами, тонко подогнанными к потребам иноческих желудков. Они же на местах являлись ему самому надежными советниками и усердными помощниками в наборе рабочих и надсмотрщиков.

За разгромом унии пришла «польская справа» и мятежный рух кончился переходом многих земельных и лесных угодий из панских в русские руки¹³. И тут Фортунат Карпыч явился приятным и удобным посредником в тяжелых оборотах на новых местах при новых людях. Так сами обстоятельства ширили размах его дела. Помог ему рост техники, когда по рекам и озерам забегали пароходы, сбавившие в десять раз число рабочих рук и приводившие в один день те суда, которые прежде тащились неделю. Больше всего, однако, успеху предприятий Фортуната Карпыча помогала его добросовестность и честность, свойства, особенно ценные в краю, веками стонавшем от вертопрашества панов и пройдохества их подручных Гершков, Мошек и Лейбов. Не только он сам не обсчитал

никого ни на грош, не задержав и на день выплату денег, но беспощадно гнал со службы и сменял самого ловкого приказчика или десятника при малейшей их попытке обмануть рабочих или клиентов.

Глава пятая

Этот быстрый и прочный успех и рост богатства, оправдывавший слова священных песнопений: «праведник, яко финик, процветет, яко кедр, иже на Ливане, умножится», люди искушенные в языках, возводили к благодетельной силе редкого сочетания трех имен, где счастье латинской фортуны слилось с плодами эллинов, у которых плод — карпос, и силой славянского дуба. Не тщаь и не дерзая разрушать веру в сию многоязычную символику, учтем редкое трудолюбие и простоту жизни лица, украшенного таким счастливым подбором имен, на вершине богатства не изменившего невзыскательности учительского обихода. До последних лет нашего знакомства он вставал летом в 5, зимой в 6 часов утра и сразу же спешил на склады, чтобы до начала делового дня все самому обозреть, проверить и наладить. Набегавшись и вдоволь накричавшись на сторожей, возчиков и грузчиков, знавших прекрасно, что от зоркого глаза хозяина, до мелочей знавшего все подробности своих дел, ничто не утаится, он шел в контору и так же усердно работал за счетами, проверяя вместе со стариком конторщиком всякую фактуру и каждый счет до последней копейки. За этими делами и хлопотами проходило все утро и наступал полдень, когда мальчик подавал к крыльцу доброго орловского коня, запряженного летом в бегунки, а в снежную пору в казанские санки. Фортунат Карпыч брал сам в руки вожжи и ехал на биржу. Покончив с купцами, нашептавшись с юркими маклерами, он шел в биржевой трактир обедать и пробегать и свои и иноземные газеты, что ему редко удавалось без того, чтобы к его столу не подсело с полдесятка деловых людей. Запив простой, но сытный обед ценою в полтинник стаканом пива, он возвращался домой и ложился спать часа на два.

Проснувшись, он умывался, выпивал большую кружку чаю с медом и садился за рабочий стол, собственноручно вскрывая и размечая всю почту, на письма поважнее тут же заготавливая ответ и заполняя пометками и цифрами страницы своих записных книжек. Управившись с почтой, он любил минут десять походить по стеклянной галерее, а затем опять садился за стол работать уже не для Мамоны, а для души. Теперь он или читал или писал. С юных лет враг философии, Фортунат Карпыч остался верен этим привычкам и до старости, читая только по сельскому хозяйству. Задолго до великого дня 1861 г. он всю тонкость искушенного семинарскими витиями изложения направил на то, чтобы на страницах «Москвитянина» М. П. Погодина, с которым его свел отшельник Михайловой Горы Михаил Александрович Максимович¹⁴, тиснуть несколько статей на счет участи тех, кто был *glebae adscriptus**, но с капризным редактором из далекой Москвы ладить было нелегко, и он скоро перенес свои писания в те самые «Отечественные записки» Андриуши Краевского, которые сейчас нам принесли предмет нашего словопрения. Тогда, до прихода на их страницы буйного Грыцька¹⁵ и победоносного Профана¹⁶, туда был открыт доступ мыслям и людей иного склада, и в их старых годах найдется не одна статья Фортуната Карпыча, помеченная одной или двумя литерами.

Когда одесский юрод Иван Иустинович Палимпсестов, пользуясь властью секретаря Общества сельского хозяйства и редактора его «Записок», стал на их страницах морочить беспечных новороссийских помещиков своей призрачной ученостью, Фортунат Карпыч жестоко на него ополчил-

* приписаны к земле (лат.).

ся и издал не одну брошюру, немало доставивших неприятных минут и огорчений мистическому «агроному на постном масле»¹⁷.

После «реформы», убедившись своими очами, как сумели столичные буквоеды жестоко искалечить живое дело, он, не желая уподобляться Ламанчскому рыцарю печального образа, отвел перо свое от сельского хозяйства и крестьянства на вопросы, не столь горькие для ума русского гражданина, и стал делиться через «Русский архив» П. И. Бартенева своими богатыми воспоминаниями о житейских встречах.

Эти труды *animi sausu*, «для души», заполняли его вечера, прерывавшиеся в восемь часов ужином, изо дня в день состоявшим в горшочке грешневой каши, одобренной в скоромные дни жирно салом, а в постные — грибной подливкой. Съев на закуску яблоко из своего сада, Фортунат Карпыч ровно в девять ложился спать, чтобы «не переводить свечей», а другого освещения у него в доме не было.

Разнообразия эта размеренная по часам жизнь не знала и не искала, если не считать, что каждый четверг после дневного сна он парился у себя в бане, на северный манер воздвигнутой среди сада, под воскресенье и праздник ходил в ближний Братский монастырь ко всенощной, а на другой день, смотря по погоде, ездил или в Михайловский монастырь, или в Лавру, а в хорошие летние дни на своей лодке подымался до Вудубецкой обители¹⁸ и там после поздней обедни вкушал обеденный стол в кельях у настоятеля, а еще чаще у казначеев, с которыми тут же обсуждал обительские счета и сводил счета.

Ни театров, ни концертов он не посещал и выше песнопений Великопостной и Пасхальной Триоди¹⁹ не знал никаких художественных наслаждений.

Для богатого дельца одинаково легко растворились бы двери домов и властей на Печерске и купцов на Подоле, но он помнил правило Горациевой мудрости *teneas tuis te** и в обиходе не выходил из круга духовных. На четвертые дни Пасхи и Рождества и четвертого января, когда среди семидесяти апостолов чтится память и св. Фортуната, он звал к себе повара из Михайловского монастыря и учреждал авраамлеву трапезу для добрых знакомых из все тех же монастырских казначеев да двух-трех профессоров из соседней Академии. Щедрость его в такие дни была безмерна, и обеденный стол с его изысканными рыбными блюдами, обильно орошаемыми и покупными винами и домодельными наливками, едва отходил к часу, когда инокам устав указывает повернуть свои честные стопы до обительских врат, что не всем им удавалось бы, если бы их не выручали трезвые ноги коней.

Жил Фортунат Карпыч в своем доме на большом участке по занятому его складами и амбарами берегу Днепра. К ним прилегал сад, густо засаженный многолетними липами и дубами. На улицу выходил двухэтажный каменный дом, внизу одна половина занята была конторой, а в другой, поменьше, жил приказчик Юхим Харько, полгода проводивший в разъездах по хозяйским делам, а из сеней вверх дубовая лестница под ковром вела прямо через площадки в горницу, где и жил Фортунат Карпыч. Ее стены были скрыты книжными полками. На этажерке в папках лежали кучи бумаг, а у окна большой письменный стол занимала простая чернильница из зеленого фарфора да пучок карандашей и ручек в граненом стакане. «Добрый плотник стружки после работы подметаает», — говорил Фортунат Карпыч, почему, кроме этих простых вещей да пары грузных старинных подсвечников, на столе ничего не было. Единственными украшениями большой комнаты были иконы с лампадами цветного стекла да масляными красками писанный портрет владыки Серапиона. Подле печки

* держись своих (лат.).

ПОСЛЕ УДАЧНОГО ПОДРЯДА

Акварель А. И. Корзухина, 1880-е годы

Третьяковская галерея, Москва

за книжным шкапом стоял рукомойник да деревянная кровать под стеганым одеялом. <Одна> дверь чрез маленькую, тоже заставленную книжными полками столовую вела на прилегавшую к дому с садовой стороны застекленную галерею, а другая — в коридор с двумя комнатушками, из которых в одной жила его старая тетка, а другую населяли обитательницы помоложе.

Самому Фортунату Карпычу легко было бы обойтись без прислуги: его небольшие покои убирала без труда немощная тетка, питались они с нею по своей неприхотливости от людской кухни, где всем служащим готовилась обильная, здоровая и вкусная пища, за чем строго следил сам хозяин, утверждавший, что хорошей работы ждать только от того, кто живет в тепле и сытости. Тетка редко бывала дома, большую часть дней проводя в обходе киевских игумений и попадей, где ее ждали и обильные закуски и не менее обильные сплетни, а неизвестно, чего больше жаждала и ценила ветхая старушка.

Но Фортунат Карпыч и одевался так же просто, как и питался, ни за что не надевал крахмальных манишек и, не признавая галстухов, заме-

нял и то и другое шитыми украинскими рубашами. Подслеповатая старуха на тонкие вышивки была не годна и тут нужны были молодые да зрячие очи. И вот только ради этого, а вовсе не для чего-либо иного, в четвертой комнатке его верха всегда жили молодые покоивки. Незамужних дев для этого Фортунат Карпыч не брал, находя, что за ними и приглядеть и ответ одинако тяжелы и не надежны, а ему подбирали их из солдаток или вдов. Проживет такая покоивка в холе да довольстве года три-четыре и начнет скучать по родным садочкам да левадам. Заметит это Фортунат Карпыч и скажет за ужином тетке:

— Бачьте, титечко, як сумує наша Ярына! Треба їй повернути до села да пошукати доброї змины...

— Горазд, — ответит немногословная тетка и на ближайшее же утро направит свои стопы к знакомым монашкам, а те из прощан (!) высмотрят подходящую молодицу, расскажут ей про богатство и ласку пана Дубовика и склонят гибкую ее волю на покойную жизнь за вышиваньем его рубашек. Награжденная и деньгами и нарядами, Ярына двигается до родного села, а ее место занимает Стеха или Явдоха, тщательно отмытая пахучими мылами в обительской бане. Особенной красоты здесь не искали, но требовали безупречной чистоты да изрядного тела. Сам наделенный от природы дородностью, Фортунат Карпыч утверждал, что худощавая и бесплотная баба — сплошная злость и ехидство, а этих свойств при своем миролюбии он не терпел вблизи себя. Поэтому поступавшая к нему на службу молодица еженедельно отдавала свои телеса парить мощным рукам стряпок, а от хозяина получала пополнение по части пахучих мыл и других снадобий для омовений. И они сами и их родичи с села были очень довольны такой участью. Сельские гости дивились и жирной свинине в борщу, и прозрачным прошивкам на тонких рубашках молодицы, и горе подушек на ее двуспальной мягкой кровати, пышную ширину которой покрывало яркое одеяло из пестрых шелковых лоскутов. Родичи уносили домой и денежные дары и припасы из богатых запасов, а если у молодицы в полках в Варшаве или на Кавказе служил муж, то ему по почте изрядные шли высылки и денег и всего прочего при нежном письме супруги рукою тетки. Не было особого утешения покоивкам и в обиходе. С теткой ездили они на хозяйских конях по обильным святыням Киева, на Контрактовой ярмарке ²⁰ гуляли по базару, щедро снабженные деньгами для покупок всего, что манит молодое око. По праздникам дома могли попеть в хоре, какой под вечер подбирался за казармой рабочих над Днепром, не возбранялось и поплясать, щеголяя тонкой обувью и проворной ногой. Но все это допускалось в пределах благопристойности, и когда белокурая Мотря повадилась шукать перепелив в малинниках с дюжым кучером Апанасом, ей пришлось уйти на село без обычных наград и уборов.

Так мирно протекала и эта нежная сторона жизни твердо налаженного домоводства, но в ее рамки внесла скорбную струю ранняя смерть беспечной хохотушки Солохи, после Петровского сурьезства ²¹ не в меру набросившейся на гусиные полотки, запиваемые целыми кувшинами пахучего яблочного кваса. К ночи она дуже занедужила на череве, позванный под утро лекарь мог только разводить руками, и раньше полдня она померла по дороге в больницу.

Похоронили ее с честью под стройное пение клира и тихий плач ее сердечной подруги Евфросинии Наумовны, жены приказчика Харька.

С годами Фортунат Карпыч стал все более тяготиться разъездами, без которых не могло обойтись его дело. Особенно угнетали его летние переезды по грунтовым дорогам с их тряской шарабанов и тучами черной пыли. Оставив себе зимние переезды в санях и летние на пароходах, он для остального приспособил ловкого чигиринца Юхима Харька, вполне оправдавшего и своим умом и своей честностью хозяйское доверие. В од-

ну из поездок на Полтавщину он вывез себе оттуда совсем юную хозяйку Евфросинью Наумовну. Она особенной красотой не блистала, но была миловидна и приветлива: бильш складна, ниж вродлива * — так оценили ее обитательницы дубовской усадьбы, с которыми миролюбие ее и услужливость скоро поставили в самые добрые отношения. Целые дни, с утра до потемок, «вона пбралась»**, пила, мыла, причем в отличие от большинства своих землячек любила мыть не только свою хату да її пидлогу***, а и свое пышно расцветавшее на добрых харчах тело: стол она с мужем получали с хозяйской кухни. И она и ее Юхим горевали лишь об одном: за девять лет честного брака он не был озарен рождением детей!

В отлучки мужа сидела бы она одиноко у себя внизу, если бы не сдружилась с молодыми покойивками; те хвастались перед ней своими обновлениями, а она учила их рукодельям и делилась своими знаниями по части солений и заготовки фруктов, которых и дубовский сад родил в изобилии, и под Спас насыпали тароватые казначеи, и Лавры, и Голосеева, и Межигорья²². При ней сменилось три покойивки, но ближе всего сдружилась она с покойной Солохой. Когда та занедужила, Евфросинья Наумовна, разбуженная теткой, всю ночь не отходила от нее, сама повезла ее в больницу и приняла на свою грудь ее последний вздох.

Со дня похорон прошло дней десять.

Глава шестая

Вернувшись после обеда из дворовой бани, Евфросинья Наумовна узнала, что пока она парилась, приезжали сестры Солохи, получившие на память о ней от хозяина все щегольские наряды покойницы. Любя все узнавать обстоятельно, она пошла к стряпке, когда та, отпустив обеды, перетирала посуду и чистила ножи. Остановившись возле окна, она всем телом налегла на низкий подоконник кухни и заслушалась рассказа стряпки, пока та не прервала его нити замечанием в полушопот:

— Бачь, як дивится Дуб на твои лытки несатым оком! Сумуе старый без жинки...

Евфросинья Наумовна оглянулась и действительно увидела, что глаз сидевшего на бунте бревен против кухни хозяина из-под золотых очек словно впился в ее полные, белые ноги, заголенные поднявшимся при таком перевесе тела на подоконник подолом.

Она смутилась и, не дослушав, пошла в хату и, когда миновала хозяйна, ласково ответившего на ее поклон, ей показалось, что он глядит на нее совсем так, как ее Юхим, когда она на ночь перед ним меняет рубаху.

На следующий день она снимала в саду с веревок белье и опять увидела, как на нее смотрит хозяин из-за стекол галереи. Вернувшись в сени, она застала его там; рабочие часы отошли, контора была пуста, он позвал ее туда и стал что-то ей говорить. Говорил Дубов ей все то, что со времен царя Давида тайком от Уриев говорилось и говорится их прекрасным Вирсавиям²³, но эти речи здесь дополнялись тем, чего не знали первобытные нравы библии: в бисерном кошельке Дубов дал ей стопку червонцев.

Евфросинья Наумовна молчала во время речи хозяина. Едва ли передавала бы она и сама то, что передумала, спрятав у себя в комнате под скрипучий замок нежинской укладки и кошелек и червонцы, но, когда настала тьма, она завесила окна, омыла свое тело душистым мылом, каким поделилась с ней Солоха, надела чистую рубаху с прошивками и, поднявшись на верх, робко постучалась в хозяйскую дверь.

* больше стройна, чем красива (укр.).

** она хлопотала (укр.).

*** и ее пол (укр.).

Через день повторилось то же самое. Теперь в укладке к кошельку с червонцами прибавилась серия.

На утро после ее второго восхождения на верх вернулся Юхим с хорошими вестями хозяину и с подарками супруге. Целый день он бегал по делам и только урывком перекинулся с женой ласковым словом. Под вечер Евфросинья Наумовна снарядила его в баню, а когда он оттуда вернулся и плотно поужинал, она отомкнула нежинскую укладку, вынула и червонцы и серию, отдала их ему и все без утайки ему рассказала.

Ее рассказ заставил Юхима побледнеть, руки его задрожали, он с трудом нашел картуз и, ничего не сказав, побежал в сад.

На дворе стояла лунная ночь. Евфросинья Наумовна прильнула к окну и смотрела с волнением, как шагал Юхим по дорожкам сада, то останавливаясь, то садясь на скамейки.

Увидав, что он повернул к дому, она быстро разделась и проворно юркнула под одеяло.

Войдя в комнату, Юхим встал на молитву перед образницей. Намолившись, он разделся, лег, как всегда с краю рядом с женой, поцеловал ее голое плечо, а затем, как ни в чем не бывало, по уставу от нее вкусил все, что полагалось ему по праву супруга.

Глава седьмая

На утро, покинув после жарких ласк супружеское ложе, Евфросинья Наумовна почла долгом оповестить супруга, что как раз сегодня вечером хозяин ее ждет. По безмолвию своего нрава Юхим и тут промолчал, но, уйдя со двора, через час привез из города добротный диван с кожаной обивкой, поставил его в спальне и попросил жену в те дни, когда ей надлежит подыматься на верх, стелить ему на диване.

Так оно и повелось: во дни ее восхождений на верх Юхим почивал на диване, а в остальные ночи супруги мирно делили ложе со всеми вытекавшими отсюда последствиями.

Но в обиходе дубовского дома кое-что изменилось. Покойнок больше не требовалось: сорочки ему стала вышивать своеручно Евфросинья Наумовна, и в благодарность за это в ее нежинской шкатулке все прибавлялось и серий и червонцев. Во дни великих праздников она получала от хозяина и полновесные кольца, и браслеты, и серьги. Для прочих услуг хозяину она велела Юхиму письмом из ее родного села вызвать шустрого сироту Тарасика, сперва расположившегося на ларьке в столовой со своим войлоком, а когда вскорости отошла к праотцам тетка, занявшего ее комнату. Соседняя горенка покойнок сохранила за собой свое прежнее игривое назначение, и ее нарядная постель в положенные дни принимала на свое мягкое лоно Евфросинью Наумовну, и здесь годами разыгрывались веселые идиллии Фрагонара²⁴ в вольной аранжировке сильных и здоровых днепровских страстей и возбуждений.

Нечто изменилось и в судьбе ее супруга. Теперь все, начиная с хозяйна, как-то незаметно стали величать его Юхимом Корнеевичем. В награду за торговые успехи хозяин положил в банк на его имя три тысячи и вскоре помог ему из крестьян подняться до купцов и записаться по 3-й гильдии. И его супруга стала вхожа в дома подольских торговцев и их вдов, где она являлась желанной гостьей. В маленьком домике одной из ее приятельниц снимал и я в те годы комнатку. Старуха и в зрелые годы была охотница до сюжетов Декамерона и, заходя ко мне в комнату, со вкусом передавала мне то, что ей открывала Евфросинья Наумовна на счет своей удвоенной жизни.

Ей тогда только что исполнилось 26 лет, а Фортунату Карпычу ровно вдвое. Но как-то в сумерки после нескольких рюмок сладкой наливки она

призналась моей хозяйке, что, не взирая на свои 52 года, он сумел своими ласками совсем далеко отодвинуть от нее мешковатого Юхима, и только с ним после девяти лет брака познала она все те радости, про которые ей шептали на ухо проказливые молодницы, и испытала то, чему раньше не могла верить.

Ранним летом молитвы ее были услышаны и в ее комнате голосисто закричала здоровая дочка, а через полтора года явился рядом с ней и сынок. Моя хозяйка оба раза была крестною матерью, а ее кумом сам Фортунат Карпыч, щедро одаривший родильницу и к банковому счету Юхима Корнеевича Харькова прибавивший счета своих крестников, ежегодно расширяя их вкладами во дни рождений.

Глава восьмая

Скоро на Киевщине стало резко меняться и все торговое дело. По Крещатику за зеркальными стеклами стали вырастать банки, приступили к прокладке железных дорог. И тут и там не обошлись без опыта и без капиталов Фортуната Карпыча: крупнейший банк выбрал его в свои директора, а Юго-Западные дороги ввели его в состав своего правления. Щадя свои силы, Фортунат Карпыч все лесное дело со складами, достигшее многомиллионной цены, сдал в аренду Юхиму Корнеевичу, построившему особую контору, а весь низ дома был отведен под жилье его разросшейся семьи и под просторную кухню, где загремела медными кастрюлями проворная кухарка, изделиями которой стал питаться и Фортунат Карпыч, попавший в столовники к своей куме. Труды свои он теперь сократил, стал позже вставать и реже выезжать в город, и уже не на легких бегунках, а в венской коляске или карете на паре породистых коней. Ими пользовалась и Евфросинья Наумовна, чтобы покатать его крестников, за забавами которых под надзором вошедшей с годами в пышное тело их родительницы любил следить со своей стеклянной галереи и Фортунат Карпыч.

Так прошло два десятка лет, к концу которых по воле начальства и добрых людей мне пришлось переменить берега Днепра на гранитные набережные царственного града Петра. Но этим летом ингерманландская слякоть побудила меня погреть еще раз свои старые кости южным солнцем и побывать в Киеве, где среди старых знакомцев посетил я и приветливый дом Дубова.

Сам хозяин уже вступил в восьмой десяток жизни, длинная борода стала сверкать сплошным серебром, но глаза все еще горели прежним умом, и когда за обильным завтраком на тенистой террасе он стал жаловаться на свои немощи, Евфросинья Наумовна, угощавшая нас запасами своих кладовых и погребов, лукаво улыбнулась и заметила:

— Ну немощей-то старческих пока еще за вами не видно!

На ней годы оставили свой след только малоприметными нитями серебра на светлых кудрях, покрытых лиловым шелком платка, из-под которого блестело полное свежее лицо, озаренное приветливой улыбкой покойного человека.

Супруга ее в Киеве не было: он уехал пробовать новый пароход по Сожу.

Дочка их уже три года была замужем за молодым чехом, владельцем механического завода под Киевом, а сын, кончающий медицинский факультет, на деньги крестного уехал на лето в Вену, откуда в это утро прислал тук книг для Фортуната Карпыча с прекрасными картинками, за рассматриванием которых я и застал его.

Когда после завтрака мы пили втроем под липами кофе, загремели колеса экипажа: это приехала с завода навестить мамашу дочка с нарядной кормилицей, державшей в шелковом одеяле новорожденное дитя, старший

КИЕВ. КРЕЩАТИК

Фотография, 1870-е годы

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

братишка которого едва-едва перебирал ножонками, цепляясь за мамину юбку.

При первом же взгляде на молодую счастливую мать я увидел в нежных чертах ее лица, а особенно в ее глазах, переложение на женский лад того, что помнил от облика самого Фортуната Карпыча в годы расцвета его сил. Оба ее отпрыска были тоже его крестники и после первых приветствий он бодро поспешил на верх за игрушками, заранее припасенными на случай приезда любимца крестника. Евфросинья Наумовна вся ушла в любованье новорожденным, сладко спавшим на могучих руках кормилицы.

Нашему брату, бездомному бобылю, среди таких настроений и радостей нет места, и я покинул гостеприимный кров этих своих знакомцев.

Теперь разрешите повествование замкнуть некоторыми выводами.

Если бы мы не знали, что автор «Подростка» очень далек от всего, что творится на тучных пажитях Малороссии, можно было бы подумать, что голый остов своего нового творения он взял прямо из жития этого киевского семейства. Теперь же в совпадении сюжета надо усмотреть лишь вящее доказательство полной возможности таких сожительственных удвоений. Но дальше этого остова сходства нет не только самого слабого, но, наоборот, во всем явственно проступает полная противоположность. Поставленные в те же самые условия и отношения друг к другу, как Дубов и Харьков с женой, Андрей Петрович Версиков и Макар Иванович Долгоруков с женой ведут себя совсем на иной лад: мечутся, неистовствуют, уходят от света, деля тягость странствований; отбив от мужа жену, они, как Версиков, тянутся к новым женским ласкам и вместо тихого течения жизни и себя и всех своих присных ввергают в сплошной водоворот бурных страстей.

Каковы деревья, таковы и плоды их. Их беззаконное чадо, подросток, мечется еще больше своего знатного родителя, дерзит своему старому благодетелю графу, запутывается в петли картежных плутней, обижает

КИЕВ. ПОДОЛ

Гравюра

«Всемирная иллюстрация», 25 сентября 1882 г.

девицу, мучит родных, а все почему и из-за чего? Нашли же дети Евфросиньи Наумовны себе мирный и покойный путь жизни, на радость себе и своим близким.

Зная достаточно многообразие жизни, но будучи весьма далек от тайн писательского ремесла, позволяю себе из этого сличения подлинной жизни с ее претворением под пером великого мастера художеств делать догадку — уж не требует ли сего усложнения и извития сама техника писательства, которая заставляет покрывать голую правду лаком фантастических узоров и диковинных орнаментов, без чего романы и повести, возможно, и не заняли бы ума читателей, которых поневоле приходится так щекотать и теревить, чтобы они не отложили на первой же странице книжку в сторону.

В своем романе Федор Михайлович верно сказал: «простота — это, в сущности, высочайшая хитрость»²⁵. Вот этой-то простоты у него самого и нет нигде. И это ахиллесова пята всех его творений; напрасно твердит наша скороспелая и торопливая критика о сокрушении романтической лжи горжеством реализма, в победоносную армию которого включая и Федора Михайловича, на мой скромный взгляд, не далеко ушедшего от шваба Шиллера, воспевшего неистовства Карла Моора, и кудрявого баснотворца французов Виктора Гюго, а, пожалуй, и самого Дюма с его мушкетерами.

— Творение искусства — это лишь прозрачное стекло, сквозь которое перед нами проступает душа его творца, как вот через эти стенки бокала сияет золото налитого в нем благородного вина. Полная страстей душа Федора Михайловича, лично пережившего такую пеструю и бурную жизнь, и сквозит и просвечивает во всякой строке его писаний. Мы чтим в нем великую правду реалиста за великолепное изображение обнажений его собственной многоятежной и бурнопламенной души...

Эту тираду произнес художник, видимо, с трудом слушавший замечания доктора на счет ухода великого романиста от правды.

Глава девятая

— А нельзя ваш спор осветить с другой стороны, — прервал их хозяин, опасаясь, как бы беседа не приняла тягостного оборота из-за чрезмерного обострения противоречивых оценок. Мы, деловые люди, прикидываем ход событий к смене условий жизни, и то, что в одной обстановке идет гладко, перейдя в другую среду, создает бурю. И Версиров и все, с кем он столкнулся на страницах романа, люди праздные, беспечные чада того дворянства, гимн в честь которого не случайно, хотя едва ли особенно уместно, влил в ткань своего повествования автор к великой досаде Грицька и его демократических друзей бурсацкого фланга редакции журнала гг. Некрасова и Салтыкова. Ваш же, доктор, Фортунат Карпыч и его окружение — люди большого дела, совсем другими глазами смотрящие на жизнь. Для них все эти деяния лишь здоровая дань здоровой природе, приносимая среди сложного сплетения деловых обязательств и житейских забот мимоходом, походя. Им некогда предаваться борению чувств, а нужно изо дня в день, камень за камнем строить и свою жизнь и жизнь того общества, какое без них погибло бы в руках утонченных Версировых. Приход или уход какого-нибудь Версирова край почувствовал бы так же мало, как путник в летнюю ночь, идя по лесу, ничего и не выигрывает, но и не теряет, сидят или не сидят на листьях по обочине его дороги светлячки-эфемериды. Версировы и выросли и живут на всем готовом, швыряют зря не ими добытые деньги, а Дубовы и сами множат себе богатства и множат богатства страны. Как старый работник по финансам, я слишком хорошо знаю силу денег и уверен, что именно деньги и создали прельстившее нашего доктора мирное течение этого дела. Фортунат Карпыч, знакомый и мне по моей многолетней работе в Киеве, в людях разбирался тонко и своего Юхима видел насквозь, понимая, что у людей этой складки припадок самой лютой ревности утихнет при первом же подсчете тех благ и выгод, какие ему принесла с верха от хозяина его пригожая жена. Деньги — это страшная сила, одинаково проявляющая себя и в возбуждении страстей, у кого их нет, и в успокоении тех же чувств, там, где их изобилие. Денежный мост нетрудно перекинуть через любую пропасть, и сблизить и примирить ими можно без труда людей в положениях, где иначе могли бы разгореться кровавые войны, и ваш рассказ, доктор, тем далек от нового романа Федора Михайловича, что он показывает нам людей, строящих свою жизнь по денежной мерке, а сам Подросток и его родные и его друзья умеют только пропускать деньги сквозь пальцы своих изнеженных крепостным трудом дланей...

— А я на дело смотрю совсем иначе, — прервал наступившее минутное молчание лаврский архимандрит, тоже давний знакомый хозяина по Киеву, где он много лет, до вдовства, настоятельствовал на многолюдном приходе...

— Простите инокескую откровенность, а только уж больно мне не по душе умонастроение и нашего доктора, воскресившего передо мной нашу киевскую быль, и всечестного хозяина, с его верой в непреодолимую силу денег. В их речах слышу веяние тлетворного и, не обезсудьте на смелом слове, однобокого материализма. О деньгах памятовать надо слова премудрого Сирахова сына: «вменише игрище быти живот наш и житие все упражнено на приобретение, ибо глаголют, яко подобает откуда либо, аще и от зла приобретати»²⁶. Вся беда людей, коих изобразил г. Достоевский, роман которого дошел и до моей кельи, на мою думку, в том, что они, как их именует сам писатель, бумажные люди, живущие по книжным указкам; про их недавних предков Александр Сергеевич Пушкин обмолвился претонким стишком: «они влюблялися в обманы и Ричардсона и Руссо»²⁷,

а потому по книжной мерке судили о людях и их поступках. А Дубов и Харьков люди жизни, которая прежде всего учит нас той великой истине, что один бог без греха, почему и не следует ставить людям требований выше их природы.

Глава десятая

В первую очередь сие надо помнить в рассуждении супружеской верности, чему учат нас не только св. Библия с Авраамом во главе, не только языческий Гомер, и про людей и про самих небожителей Олимпа дающий в этом вопросе весьма наглядные уроки. Но Гомер мифотворец, не сдерживавший воли своего вымысла, но и достоверные историки древности повествуют про преславного владыку Сицилии Дионисия, в один день появившего себе в жены и Локриду и Аристомаху, у коих он и пребывал по ночной чреде. Про Алкивиада повествуют также древние, что он, выехав вместе с Аксиохом на Геллеспонт, там, в Абидосе, сообщая с ним, женился на местной девушке, от которой родилась дочь, каковую не знали, за чью из сих двух считать дочь, а когда она созрела до брачных радостей, стали так же сообщая жить и с нею; причем при совокуплении с Алкивиадом она именовалась им дочерью Аксиоха, а Аксиох, вкушая сладость ее прелестей, именовал ее дочерью Алкивиада. Сие распространялось и на круги не столь знатные. Так, житель Аргоса Никострат посылал к македонскому царю Филиппу свою красавицу жену в одежде молодого воина из царской свиты. От древних устремив свой ум на ближайшее время, вспомним пышного правителя Киева, однорукого Бибикова ²⁸, долгие годы услаждавшего свою кипучую жизнь ласками супруги правителя своей канцелярии. Да, наконец, насколько в круг читателей проникают слухи о домашних обстоятельствах писателей, один из преславнейших поэтов нашего времени еще недавно делил с другим писателем не только труды по изданию журнала, но и ложе общей им обоим сожительницы ²⁹.

Наипаче же сему учит повседневная жизнь. Вот, чтобы не выходить из круга подольских побывальщин, при мне там сидел на приходе лютый протопоп, и в проповедях учивший неустанно паству держаться вдали от блуда и нещадно устранявший от святого причастия своих самых достойных прихожан обоего пола, если они на духу открывались в каких-либо неосторожностях насчет седьмой заповеди. Терпели, терпели прихожане, а потом и возроптали и решили принести жалобу на такую безмерную строгость епархиальной власти.

Глава одиннадцатая

Владыка-митрополит тогда как раз заседал в Синоде и без него епархией правил епископ Чигиринский Порфирий, обогативший свою ученость опытом многолетнего жития на Востоке, ³⁰, что часто помогало ему в самых затруднительных позициях духовной власти, принужденной соблюдать строжайших уставов церкви проводить так, чтобы ни в чем не повредить чувствительной обидчивости влиятельных ее чад.

Жил тогда в Киеве видный военачальник, вся сила коего опиралась на то, что он с великой готовностью вступил по указу свыше в брак с знатной девой, целокупность своего тела принесшей в дар особе столь высокопоставленной, что все ее капризы и прихоти по части «васильковых затей» принимались столичным обществом как обязательная дань верноподданнических чувств лицу, по своему титулу имеющему права на всех и все ³¹. Удаленная по пресыщении ее чарами вместе с своим супругом в Киев, она здесь качество своего первого поклонника возместила количеством его преемников, и не много под началом ее супруга было юных офицеров, на долю коих не выпало бы нечто от ее ненасытимых ласк. Подражая в сих

упражнениях языческой Мессалине, сия особа одновременно подражала многим добрым христианкам своей щедростью ко храму и его пастырю. И вот однажды сей последний, особливо перед тем ею награжденный, в своей проповеди заплелся языком и сравнил ее доблести с самой приснодевой Марией.

Поставленный в известность о таковой ошибке проповедника, его благочинный, давно взиравший несатым оком зависти на его благополучие, устремился к викарию с жалобой и просьбой примерно наказать столь явное кощунство.

Преосвященный Порфирий своим быстрым умом сразу раскрыл перед своими умственными очами глубину грозившей опасности: в случае кары оратор не замедлил бы пасть под защиту прославленной им особы и единная строка ее письма в столицу могла бы для владыки иметь самые тягостные последствия. Пока он думал о сем, благочинный все твердил о быстрейшем внушении проповеднику, допустившему такую хулу на богородицу.

— А вы, отец протоиерей, видимо, не верите в силу математических аксиом? — спросил Порфирий благочинного с тонкой улыбкой на изящном облике своего лица.

— Причем же, владыко, тут математика? — недоумевал благочинный.

— О, сия царица наук везде и всегда указывает путь истины, — продолжал архиерей. — В чем усматривает св. церковь преимущественное свойство приснодевы Марии? — перешел он на строгий тон катехизаторского вопроса.

— В том, что родила, не согрешив, — уверенно ответил благочинный.

— А сия особа грешит, не рождая, стало быть, определения их разнствует лишь по порядку слов, и если математика учит, что от перестановки слагаемых не изменяется сумма, то следует ли карать доброго пастыря лишь за то, что он не совсем удачно поставил в уме своем маленькое словечко «не»? И им допущено не кощунство, а лишь чрезмерное доверие к математике, за что карать его не нахожу возможным. — И с этими словами, милостиво преподав пастырское благословение опешившему от совсем неожиданного поворота дела благочинному, мерно удалился во внутренние покои своих келий.

Вот к такому-то тонкоумному владыке и поступила жалоба прихожан на не в меру рьяного ревнителя брачной чистоты.

Владыка пригласил чрез келейника его к себе в Михайловскую обитель на сослужение к одной из торжественных вечере. Дело было весной, когда все киевские монастыри полны богомолков со всех концов Украины. Служба шла в главном приделе, переполненном и старухами и молодецями. Отпев службу, владыка Порфирий со всем клиром стал на амвоне и, опираясь на посох, преподавал назидание о брачной верности, а под конец возгласил:

— Як що яка з вас порушила сию велику заповідь, идить праворуч до придела св. Екатерины де біля її труни ченцы читатимуть особисту молитву... *

Возгласил и повернулся к алтарю для тайной молитвы. Повернулись за ним и все сослужители.

Окончив краткую молитву, владыка опять со всем клиром повернулся к храму; он был пуст: все жінки «утекли до Катерины», доказав этим свою неисправность на этот счет. Лишь в дальнем уголке одиноко притулилась хилая баба, но когда владыка с клиром подошел к ней, чтобы воздать хвалу ее нравам, оказалось, что она разбита параличом и с горьким плачем жаловалась на своих молодых спутниц, покинувших ее без возможности принять очищение в своей скверне.

* где около ее гроба монахи прочитают особую молитву (укр.).

Подавая крест суровому иерею, владыка Порфирий шепнул ему: — «Запомните сие поголовное исходжение грешниц и по его назидательному примеру не тяготите слабость своих прихожан».

Юхим Корнеевич был умом подстать Чигиринскому архиерею, а «муж мудр незлобие водит», учит Писание, и знал человеческую природу, а ведь и ему приходилось месяцами жить вдали от законной супруги, не отверг ее, когда и она подпала женскому искушению, а, возможно, еще возблагодарил судьбу, что к ней грех пришел от надежного человека, а не от лихого какого-нибудь озорника, который мог и ей и ему натворить много бед. Учил это и извлек из обстоятельств то доброе, что они с собой принесли. И когда наш доктор рассказал, как после беганья по саду Юхим примиренно возлег подле своей супруги, я невольно повторил стих умного поэта: «Упал он больно, встал здорово»³².

Но час, друзья мои, поздний и мне пора течь в свою мирную обитель, промолвил о. архимандрит, давая нам всем знак оставить на покое утомленного затянувшейся беседой хозяина.

— Да, да, — пора нам разойтись, — подхватил слова архимандрита профессор немец, выходя из фонаря, где он, по обыкновению, молча сражался в шахматы с родственником хозяина, старым моряком. Разойтись нам надо скорее не только потому, что час поздний и вас, святой отец, могут не впустить в пределы Лавры, но и потому, что здесь сегодня раздались такие речи, за какие и нам всем и нашему хозяину следовало бы дать строгий ответ: в покоях одного из первых сановников государства посрамлена и наказана без всех прикрас чуть ли не главная основа его благосостояния: семья! И мы совсем неожиданно попали в один лагерь с самыми заядлыми нигилистами, разрушая дерзкой рукой ту спасительную завесу лжи и условности, которые только и позволяют и помогают людям мириться с такой великой ложью, как семья и брак. И как дети, напавшие, спешат разбежаться по сторонам, так пора и нам последовать их примеру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Отечественные записки», 1875, № 1, 2, 4, 5, 9, 11, 12. В копии указан 1876 г. — возможно, что это ошибка переписчика.

² Николай Христианович Бунге (1823—1895) — экономист и публицист, с 1859 г. по 1880 г. был профессором Киевского университета; ректором его был в 1859—1862 гг. (по назначению), в 1871—1875 и 1878—1880 гг. (по выборам). В 1881—1886 гг. — министр финансов, с 1887 г. — председатель Комитета министров. Автор ряда научных трудов по политической экономии. Бунге был весьма просвещенным человеком, он составил богатую научную библиотеку, которую завещал Киевскому университету. Приурочивая ежемесячные вечера у Бунге к Петербургу 1870-х годов, Лесков допускает анахронизм (см. об этом в предисловии).

³ Евгений Волховитинов (до пострижения Евфимий Алексеевич; 1767—1837) — деятель русской церкви, историк и археолог, автор «Словаря русских светских писателей» (1818). В 1808—1813 гг. был архиереем в Вологде, затем в Калуге и Пскове. С 1822 г. и до конца жизни был митрополитом Киевским и Галицким.

⁴ Златоверхий Михайловский монастырь в Киеве был основан в 1108 г. Уже в XVI в. он стал одним из богатейших киевских монастырей, привлекавшим огромное количество паломников. Главной святыней Михайловского монастыря были мощи великомученицы Варвары, память которой церковь праздновала 4 декабря.

⁵ Демиевка — одно из предместий Киева.

⁶ Борщаговка — название нескольких пригородных сел близ Киева.

⁷ Блаженный Гиероним (Иероним; 330—419) — крупный деятель западной христианской церкви. Помимо богословских сочинений, был автором многих посланий, в которых излагал основы христианской нравственности.

⁸ Фортунат от латинского fortuna — счастье, богатство.

⁹ Христиан Вольф (1679—1754) — немецкий философ, последователь Лейбница.

¹⁰ Орлец и рипида — привадежности архиерейского богослужения: круглый коврик с изображением орла и опахало.

¹¹ Здесь и ниже Лесков опирается, очевидно, на личные впечатления от знакомства с юго-западными и западными областями России, отразившиеся в его корреспонденциях (см., например: «Из одного дорожного дневника». — «Северная пчела», 1862,

№ 347, 349 и след.). А. Н. Лесков писал Варнеке 24 декабря 1937 г.: «Уверен, что «дорожный дневник» (никому сейчас не ведомый) действительно «блестяще» подтвердит экономическое устремление внимания Лескова при посещениях им любой новой для него провинции, области. Тут и Пинск, и болота, и Ливерпуль, и промышленность, целый обзор и трактат. Да еще с сопоставлением с Москвой, Орлом, Пензой, Городищами, Кромами и т. д. Вот куда влеклось его внимание после «Шкоттовских» поездок по всей стране (ГМТ, ф. 34, № 6501).

¹² Арсений *Москвин* (до пострижения Федор Павлович; 1795—1876) — церковный деятель, ревностно борющийся против унии, раскола и сектантства. В 1860 г. был назначен митрополитом Киевским и Галицким.

¹³ Постановление о частичном слиянии униатской церкви с православной было утверждено Николаем I в 1839 г. «Польская справа» — восстание 1863 г. Гонения на униатов особенно усилились после этого восстания.

¹⁴ В 1845 г. М. А. *Максимович* (1804—1873) по болезни оставил кафедру в Киевском университете и поселился в своей усадьбе Михайлова Гора (Золотоношский у., Полтавской губ.). С М. П. Погодиным его связывали дружеские отношения.

¹⁵ «Грыцько» — псевдоним Григория Захаровича *Елисеева* (1821—1891). После перехода в 1868 г. «Отечественных записок» к Некрасову он стал одним из редакторов этого журнала.

¹⁶ «Профан» — псевдоним Николая Константиновича *Михайловского* (1842—1904). С 1868 г. стал сотрудником, а с 1877 — членом редакции «Отечественных записок».

¹⁷ Иван Иустинович *Палимпсестос* (1818—?) — агроном, с 1851 г. преподавал сельское хозяйство в Одесской духовной семинарии, затем профессор Новороссийского университета. В 1853—1868 гг. был секретарем Общества сельского хозяйства южной России и редактором «Записок» этого общества.

¹⁸ Выдубецкий монастырь в Киеве был, по преданию, основан в 1070 г. на том месте у берега Днепра, куда прибило течением Перуна, поверженного и брошенного в реку после крещения Руси. Лесков допускает неточность, когда пишет: «подымался до Выдубецкой обители»: она находилась от города вниз по течению Днепра.

¹⁹ Триоди — церковные книги, излагающие последовательность и содержание богослужений на время великого поста («постная» Триодь) и на пасху и последующие за ней недели («цветная» или «пасхальная» Триодь).

²⁰ Контрактная ярмарка (Контракты) была переведена в Киев в 1797 г. и проводилась ежегодно на Подоле с 5 по 25 февраля.

²¹ «Петровское сухоедство» — иначе Петровки: пост, предшествовавший дню апостолов Петра и Павла (29 июня).

²² В Голосееве, одном из предместий Киева, находилась мужская пустынь, написанная к Киево-Печерской лавре; Межигорский монастырь был расположен на берегу Днепра выше Киева.

²³ По библейской легенде царь Давид пожелал сделать своей женой Вирсавию и для этого отправил ее мужа Урию в войско с тайным приказом поставить его на самое опасное место, чтобы он был убит. После смерти Урии Вирсавия стала женой Давида (Вторая книга царств, гл. 11).

²⁴ Жан Оноре *Фрагонар* (1732—1806) — французский живописец и график; среди его произведений много пасторальных, наивно-эротических картин, написанных в традициях Ватто и Буше.

²⁵ «Простота, mol cher, это, в сущности, высочайшая хитрость» («Подросток», часть вторая, глава восьмая, II).

²⁶ Иисус, сын Сирахов (2 в. до н. э.) — иудейский книжник, им написана «Книга премудрости», в которой даны наставления практической нравственности.

²⁷ «Евгений Онегин», гл. 2, строфа XXIX.

²⁸ Дмитрий Гаврилович *Бибилов* (1792—1870), потерявший руку в Бородинской битве, был киевским губернатором и генерал-губернатором волынским и подольским в 1838—1848 гг.; проводил жесткую политику насильственного обрусения Юго-Западного края и притеснения украинцев и поляков.

²⁹ Намек на сплетни, порожденные непонятными обывательскому сознанию отношениями между Некрасовым и А. Я. Панаевой. Когда она стала его гражданской женой, И. И. Панаев продолжал жить в одном с ними доме. В действительности эти отношения не имели ничего общего с сюжетом «Счастья в двух этажах».

³⁰ Порфирий *Успенский* (до пострижения Константин Александрович; 1804—1885) — церковный деятель и археолог. С 1842 по 1861 г. несколько раз был командирован на Ближний Восток для собирания археологических сведений; в 1847—1855 гг. был начальником православной миссии в Иерусалиме. С 1865 по 1877 гг. — Чигиринский архиерей.

³¹ «Васильковы затеи» — сериальные похождения Николая I; о них Лесков писал в незаконченном романе «Чертовы куклы» (*Лесков*, т. 8. М., 1958). «Видный военачальник» — Иларион Иларионович Васильчиков (1805—1862), генерал-адъютант, киевский генерал-губернатор с 1853 г. Его жена Екатерина Алексеевна, урожденная кн. Щербатова.

³² Слова Фамусова («Горе от ума», д. II, явл. 4).

КЛОПОДАВИЕ

ОРЛОВСКИЙ ЖИВОЙ ВАРИАНТ К КИЕВСКОЙ БУМАГЕ

На днях посетил меня редактор одной распространенной столичной газеты и в беседе стал жаловаться на невежество многих из своих сотрудников: так, недавно один из них в бойкой статейке сослался на «небезызвестного парижского повара Шатобриана» и, когда ему советовали заменить это словами «известный французский писатель Шатобриан», не только страшно обиделся, но стал уверять, что его хотят выставить в дураках и показать «в печати, что он не бывает в хороших ресторанах, не знает тонких блюд, а он через день у Палкина требует филе Шатобриан, названное так, всеконечно, в честь какого-нибудь знаменитого повара»¹.

Мы с редактором порадовались за современную газетную молодежь: на заре нашей юности мы, птенцы гнезд Усова² и Валентина Корша³, не только к Палкину, но даже и в дешевую Балабинскую обитель⁴ заглядывали лишь в дни особых получений, обычно пробавляясь в трактирчиках мелкого пошиба. Порадовались, но вместе с тем и пожалели, что столь частые заходы к Палкину мешают нашим блистательным преемникам заглядывать столь же часто хотя бы в Пушкина, который равнял Шатобриана Данте и восторгался его переводом пленительной поэмы Мильтона⁵.

После ухода редактора стал я читать чудную книгу Ф. И. Буслаева «Мои досуги», где великий знаток лицевых Апокалипсисов и иконописных школ так мастерски разобрал переходные повести, тонко осветив нити, связывающие во единое целое сказания самых отдаленных времен и народов⁶.

Прочел я эту статью и устыдился, поняв, что, видя сучок в глазу молодого газетчика, не приметил бревна в своем глазу: напечатав не один десяток пересказов древних сказаний, я лишь на закате своего писательства удосужился прочесть исследование великого знатока, совсем по-новому осветившего то, над чем я кустарно работал, доходя до всего наподобие приснопамятного Кифы Мокиевича «своим умом»⁷, который людей и покрушней меня чаще всего заводил лишь в дебри суесловия и праздномыслия.

Но «грех красится» не одним покаянием, а и «возмездием». И вот в возмездие себе я решил выводы московского академика на старости лет приложить к одному пустячку из киевского бумажного хлама.

Ученый начальник комиссии по разбору древних актов Архива Южной Руси профессор Иванишев⁸ подарил мне доношение благочинного киевских монастырей иеромонаха Вартимея по «делу о клоподавии», учиненному над иеродиаконом Выдубецкой обители Созонтом.

Основание этому прекарному розыску положил рапорт Киевской консистории епископа Выдубецкой обители⁹ о том, что под утро 9 сентября в день памяти богоотец Иоакима и Анны — очередной иеродиакон чрез келейника доложил ему о своей непригодности к служению ранней литургии «чрез насаду горла и притупление воздыхательных органов от приключившейся накануне сырости климатов». Озабоченный благолепием служения о. епископ своими стопами звернулся до келии иеродиакона Созонта. На стук его посоха там «было некое смятение и суматошный шорох», а когда о. епископ перенес свои стопы через праг келии, оттуда «аки неистовая вакханта ринулась растерзанная женка в одной исподней срачице при босоножии и оголении плечигрудия». Одр, на коем покоился о. Созонт, послан был на двух со смятием подголовных сооружений и постель-покровов».

Вызванный в присутствие консистории иеродиакон Созонт отрекался от всех вин и переложил дело на скардность и нерадивость обительского эконома, которому он «многomesячно со плачем стенанием вопиял об обу-

рении его неисчетными стадами клоповой братии, дерзостно посягающей на потребный его сану сон и грозящей источить нестерпимыми укусами его плоть до изначального сустава». По черствости сердца эконома вопли сии «залишал втуне», и, доведенный до предела страданий, иеродиакон обречен был сам «пратися со клопиным родом». Но ни облитие шпиртовой влагой, ни кропление водкой на нежинском перце предерзостных клопов во вразумление не повернуло. Стоя на рубеже отчаяния, о. Созонт обратился за советом к походной практике унтера из арсенала, но предложенное последним выкурение отверг «по непреодолимой ненависти до табака». Потеряв надежду на «хемикальные средства успешной борьбы со клопами», о. Созонт вспомнил про слышанный им за трапезой на престольном празднике в Братской академии разговор студентов «из сербин» про их родные обычаи. «Страна сербская, аки все Придунавие, клопами изобильствует, но жители тех единовѣрных нам краев умудрены познанием клоповых смаков: клоп — насекомая блудная и женолюбивая и наипаче припадает к телесам женок, у коих под кожей живет жирок со сладостью и ароматическим притяжением. Учitando это, сербины, истощившись в борьбе с клопами, кладут на ложе к себе женку подороднее, и клоп вся свои жала в ее телеса впускает, а затем, насладившись женской плотью, до мужского тела отвращение имеет и оставляет в спокойствии одиноко спящих отец и братья». Зная, что сербы народ благочестный, далекий и от эллинской прелести и от люторских вѣрак, о. Созонт рискнул приложить сербинское средство для самоспасения, коего уповательно и обрел бы, если бы скоропешительный о. экклесиарх не спугнул подысканную им женку из добрыхотных богомолок как раз в разгар их клоподавия.

Консистория не вняла ссылкам на единовѣрных сербов и для вящего обличения выдубецкого иеродиакона чрез опытное дознание постановила дело розыском продолжить, поелику: 1) клоп — насекомая кровопиющая и пищеалчная, а блудное насекомое — комар; 2) пресумнительно нахождение среди богомолок женки, телеса которой превышали бы дородством пышную стaturу самого о. Созонта. Постановлено для дополнительного уличения нагло лжущего иеродиакона потребовать от него персонального обнаружения состязавшейся вкупе с ним женки. На это требование высокой консистории о. иеродиакон заявил о тщетности его трехдневных розысков своей помощницы среди доступного ему круга христоролюбивых богомолок: «исчезла, яко исчезает воск пред лицом огня».

Протокол присутствий консистории по этому делу поступил на утверждение за выездом в С.-Петербург на чреду Синода высокопреосвященного митрополита киевского и галицкого к его заместителю епископу чигиринскому Порфирию (Успенскому)¹⁰, и многоу опытный и многоу ученый владыка дело препинил такими резолюциями:

«1) Отцам консистории выразить благодарность за их усердие, но строгожайше напомнить, что в круг их ведения не должно входить сличение женского дородства с плотестроем иноческим: сие бо корень соблазнов и в рассуждении женской прелести и иноческого постничества.

2) Студентам из сербин чрез о. инспектора Академии строгожайше внушить, дабы впредь не дерзали открывать нравы своего отечества, растленного многовековым игом турок с их плотеугодничеством, невинным овцам стада Российского.

3) Отца Созонта из смрадной келии Выдубецкой обители извлечь и перевести на служение в Михайловский Златоверхий монастырь, где громометущий и звукодробный бас его украсит служение у раки великомученицы Варвары.

4) Клопов в келии о. Созонта до вселения в нее нового обитателя извести, но не чрез иноческую самодеятельность, а опытом искуснейшего мухомора и клоподава».

МОНАСТЫРСКАЯ ТРАПЕЗА

Картина В. П. Перова (масло), 1865

Третьяковская галерея, Москва

Я берег эту бумагу отчасти потому, что она приоткрывала кусочек круга занятий консистории, обнаруживая неожиданно совпадение их с тем, что когда-то так живо описал Боккаччио в своем «Декамероне»¹¹, а отчасти потому, что собирался при случае внести ее в наше славянское общество, где его ученые деятели: профессора В. И. Ламанский, А. С. Будилович, а особенно В. И. Аристов — могли бы посвятить проверке рецепта сербских студентов, так смутившего братию Выдубецкой обители, не один ученый доклад¹².

Но теперь в ней я нашел блестящее подтверждение ученых наблюдений Ф. И. Буслаева! В первые годы моей самостоятельной жизни, протекавшей очень скромно на тихих берегах Оки и Зуши¹³, и мне не хуже отца Созонта приходилось страдать от «обстояния клопных полчищ». И вот однажды, возвращаясь из одной поездки искусанный клопами до полусмерти, я встретил на постоялом дворе Оттона Карловича Экка. Это был один из многих у нас на Руси людей, которых причудливая гримаса нашей жизни заставила носить чисто русское сердце под немецким именем и фамилией. Больше четверти века прослужил он фельдхирургом в стоящем в Орле кавалерийском полку¹⁴, а затем, после Севастополя, выйдя в отставку, он поселился холостяком на своем маленьком хуторке в 7 верстах от Орла и по уши ушел в волновавшее тогда всех живых людей крестьянское дело. Увидав мое чрезмерно кислое от бессонных ночей лицо, он стал спрашивать о причинах моих страданий и, услышав мои жалобы на клопов, ударил меня по плечу и со смехом утешил:

— Я вас научу простому и приятному способу борьбы с ними. В первый год моей службы, когда я из студенческой комнатки в чистом и опрятном Дерпте попал на кочевой быт полка, который начальство зачем-то гоняло из одной губернии в другую, я не хуже вас страдал от клоповой нечисти. Вся моя личная наука и мудрость хандбухов, вывезенных из Дерпта, где нас учили строго и основательно, была бесплодна, и я погибал от клопа, пока на 3-й год службы не попал в Новозыбков. Там я попал на постой к старухе-огороднице. День был жаркий, и я сел обедать

под кленами. Великолепный борщ с ватрушками и сушеные караси, обильно политые настойкой на березовых почках, настроили меня очень хорошо. Споспобствовали этому и веселые звонкие песни пололок, согнувшихся над грядками так, что мои зоркие глаза могли свободно наслаждаться упругими икрами их белых наливных ног чуть не выше колена. Но когда настала ночь и я вошел в отведенную мне горницу с мягкой постелью и горой подушек, я вспомнил про своего врага и сказал хозяйке, что из-за клопа буду спать у нее в огороде на сене.

— Так ты, голубок, клопа опасешься? — спросила, хитро улыбаясь, старуха. — Оно верно, спасаемся мы на манер Ноя и по воле господней нечисти не избегаем. Только клопа тебе бояться не след. Я тебе в постельку, рядышком к тебе, средство положу, и клоп тебя не тронет...

Видя на моем лице недоверие, она продолжала:

— Говоришь, что мои караси да ватрушки по скусу пришлись, а средство еще лучше да приманчивее. Верь моему слову. Ложись здесь спокойно во славу божию, а пока будешь раздеваться да богу молиться, я тебе средство предоставлю.

Постель была так мягка, ласковая старуха пела так убедительно, что я поддался ее уговорам и стал ждать ее «средствия» и с нетерпением и с любопытством.

Через 5 минут она снова вошла, а за ней стояла, скромно потупив в землю глаза, одна из ее огородниц.

— Ну-кося, голубок, подивись, какое я тебе средство-то сыскала: черноглазое, белотелое. Клоп-то, паскуда, бабник да блудник, и терзает только того, кто бабьей прелести гнушается да в одиночку спит, тая зря силу мужчинскую. А ежели при тебе будет вот такая кралечка мяконькая, так неужто клоп дурак, минуя ее тело соковитое, на твое сухокошие позарится. Он свой барыш знает в тонкости и весь в ее тело так и влипнет, а уж твоя забота так подружку занять, чтоб она от твоей стрелы любовной его жальца и не приметила. Разуважь, сироту, миленький: в накладе, голубок, не будешь.

И с этим приветом она тихо вышла, оставив меня наедине со своим средством. Оно помогло: клопов я в ту ночь не приметил. И следуя этому совету, в молодые годы при всяком случае, а теперь лишь изредка, живу с клопами в дружбе и их не боюсь.

Эту давнюю встречу заставила меня вспомнить мудрая статья Ф. И. Буслаева, и если на долю этих беглых набросков выпадет высокая честь не ускользнуть от его глаз, быть может, именитый академик урвет от своего драгоценного времени минутку, чтобы подумать, нет ли между средством новозыбковской огородницы и едва не сгубившим о. Созонта рецептом студентов «из сербин» такой же внутренней связи, какую его остроумию удалось показать на подобранных его усердием «перехожих» повестях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Редактор одной распространенной столичной газеты» — А. С. Суворин. По поводу этого анекдота Варнеке писал 8 декабря 1934 г. А. Н. Лескову: «Получив копию рассказа «Клоподавие». — А. П.» по дороге в Москву, я там ее читал в доме одного приятеля. Среди слушателей оказался один старый газетчик, в юности работавший в С.-Петербурге и знавший Николая Семеновича. Он клянется и божится, что герой «знаменитого повара Шатобриана» не кто иной, как <...> Фаресов, который как раз так проштрафился. Не верить нет причины» (ГМТ, ф. 34, № 6527). Анатолий Иванович *Фаресов* (1852—1928) — публицист, сотрудник «Нового времени», позднее первый биограф Лескова. А. Н. Лесков согласился с этим мнением Варнеке (в письме от 17 декабря 1939 г. — ГМТ, ф. 34, № 6529).

² Павел Степанович *Усов* (1828—1888) — издатель газеты «Северная пчела» с 1860 г.; Лесков печатался в этой газете в 1862—1863 гг.

³ Валентин Федорович *Корш* (1828—1883) был редактором «С.-Петербургских

ведомостей» в 1863—1874 гг. Сотрудничество Лескова в этой газете началось летом 1860 г. С конца 1860-х годов А. С. Суворин вел в той же газете еженедельное фельетонное обозрение (подпись: Незнакомец).

⁴ Балабинский трактир в Петербурге находился на Большой Садовой улице, неподалеку от Публичной библиотеки.

⁵ А. С. Пушкин. О Милтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая». Статья была написана в 1836 г. (см.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10 томах, т. VII. М., Изд-во АН СССР, 1949, с. 488—502).

⁶ В книге Ф. И. Буслаева «Мои досуги» (ч. 2. М., 1886) была помещена написанная в 1874 г. статья «Перехожие повести», в которой он писал: «В течение многих веков блуждали и до сих пор не перестают еще блуждать из страны в страну по всему миру целые ряды повестей, анекдотов и разных рассказов, которые потому и называю *перехожими*, то есть странствующими...» (с. 266).

Буслав прослеживает в статье миграцию с Востока в Западную Европу и на Русь ряда сюжетов: о молочнице, разбившей горшок с молоком, о женских хитростях и уловках и др.

⁷ См. «Мертвые души», т. I, гл. XI.

⁸ Николай Дмитриевич *Иванишев* (1811—1874) — юрист, историк и археограф, профессор Киевского университета с 1840 г. Лесков мог познакомиться с ним в 1849 и последующих годах в Киеве у своего дяди проф. С. П. Алферьева. Иванишев много лет работал в Киевской археографической комиссии; под его наблюдением (до 1865 г.) печаталось многотомное издание — «Архив Юго-Западной России».

⁹ *Екклесиарх* — заведующий зданием храма и порядком богослужения. Выдубецкая обитель — см. примеч. 18 к рассказу «Счастье в двух этажах».

¹⁰ О Порфирии Успенском см. примеч. 30 к тому же рассказу.

¹¹ Ср.: «Декамерон», четвертая новелла первого дня, вторая новелла четвертого дня, четвертая новелла восьмого дня.

¹² Славянское благотворительное общество в Петербурге было основано в 1877 г. Помимо благотворительной деятельности объединяло многих ученых-славистов, проводило ученые собрания, издавало книги по славянскому языкознанию, филологии и истории. В трудах общества преобладали консервативные идеи с заметным влиянием позднего славянофильства. Среди деятельных членов общества были и названные Лесковым: профессор Петербургского университета Владимир Иванович *Ламанский* (1833—1914); профессор русского и церковно-славянского языков Варшавского университета Антон Семенович *Будилович* (1846—1908); Василий Иванович *Аристов* (1831—1903).

¹³ После выхода из гимназии Лесков в 1847 г. определился на службу в Орловскую палату уголовного суда. В Орле он прожил до осени 1849 г., когда переехал в Киев.

¹⁴ Вероятно, Елисаветградский гусарский полк, квартировавший в Орле.

ЛОРД УОРОНЦОВ

Как грустно, что жизнь дала повод Пушкину в 1830 г. написать: «к доброжелательству досель я не привык»¹. Но еще печальнее, что его неблагодарные потомки не сумели проявить доброжелательства к великому поэту и после его кончины. Чего не вытерпело его имя от необузданного пера Писарева? Но того еще можно слегка оправдать юностью: наверно, проживи он подольше, он сам бы первый со стыдом отрекся от тех односторонностей, на которые его толкнул господствовавший тогда в близких к нему кружках «дух времени», а что подумать о многочисленной семье профессоров Одесского (Новороссийского) университета, молча допустивших, чтобы на их празднике памяти пятидесятилетия смерти поэта местный архиерей произнес речь (перепечатана в «Православном обозрении», 1887, март), полную самого бесстыжего фарисейства и наглого искажения мыслей и чувств поэта². Есть же среди них умные и честные люди. Как же они могли молча снести безобразие, учиненное в их среде над тем, чья память для каждого русского так беспрдельно дорога?

Но от слов и писаний переходим к делам.

В свои последние наезды в Киев я узнал там одного очень скромного учителя русской словесности, всецело поглощенного своим делом. Недавно среди учебного года посещает он меня здесь, в Петербурге. Я удивился его выезду из Киева среди школьных занятий. И, к удивлению, услышал

от него, что он отставлен учебным начальством, как бы вы думали за что? За то, что на уроках осуждал Воронцова за гонения на Пушкина. К счастью для молодого человека, бывший ректор Киевского университета занимает здесь высокое служебное положение, и он, по свойственной ему благородной доброте, пристроил изверженного по Министерству финансов, которым сам недавно управлял ³. Киевские учебные власти поставили молодому учителю в вину то, что он осмелился осуждать распоряжения новороссийского генерал-губернатора Воронцова, тем более, что его прямые потомки стоят теперь у кормила власти и почтены высоким доверием ⁴. Но неужели заслуги потомка делают неприкосновенными поступки и нравы их предков? Такая форма «обратной канонизации», кажется, не предусмотрена ни одним параграфом государственного права и явно противоречит здравому смыслу.

Я не историк; ни Пушкина, ни Воронцова не знал, но у меня недавно была встреча с человеком, искренний рассказ которого ясно показал, что по всему складу характеров этих людей они никак не могли мириться друг с другом. Огонь и вода, пламя и камень слишком мало подходят друг к другу.

В прошлом году моим спутником на пароходе оказался свитский генерал, видимо, тяготившийся одиночеством и искавший развлечения в рассказах о своем прошлом. Его повесть о Воронцове мне показалась любопытной и показательной для характеристики человека, на воспоминания о котором наводит нас Пушкин. Поэтому я тогда же ее записал.

— Начал я службу на Кавказе адъютантом у Воронцова, который уважал мою матушку. И через несколько месяцев после выпуска из школы гвардейских колонновожатых я попал в Тифлис. Жизнь там текла пышно и блистательно. Недаром приписывали старику Ермолову стихи, которые начинались так:

Версаль смешавши с Тегераном,
Ликует новый падишах ⁵.

А в Версале подобает быть и «большому» и «малому» двору. Глава и центр «большого» двора Елизавета Ксаверьевна ⁶ не переносила климата Кавказа и, отбыв там положенные празднества, спешила уехать или в Алупку, или в родную вотчину Браницких — Белую Церковь. Стало быть, большую часть года первенствовал «малый» двор, и la grande mademoiselle * или, как ее звали втихомолку, токайской Дюбарри — была красавица венгерка Ирма Чешени. Судьба ее примечательна, и ей-то и будет посвящен мой рассказ.

Доктор Андреевский ⁷, злой гений Воронцова, убедил его, что сады Тифлиса — самая лучшая почва для разведения токайских лоз, и всю свою жизнь стремившийся переделывать природу Воронцов, не долго думая, отрядил в Токай адъютанта для выписки оттуда лучшего винограда.

Удалось оттуда сманить мужа Ирмы. Ему было под шестьдесят, и он приехал с молодой женой, златорусой Ирмой. Но не долго пожил он у Воронцова. Изучая новые для него кахетинские вина, он сделал грубейшую и роковую ошибку, обращаясь с ними, как с родным токаем. Но токай вино прочное, густое и сразу ложится в желудок, откуда при движении легко и выходит без следа и вреда. Кахетинские вина легкие и быстрой струей сразу расходятся по всему телу. Им надо дать осесть и отстояться. Потому их пьют тихо, сидя в долгой беседе. Чешени этого не учел и стал их пить на ходу, между двумя выходами из дому, как русский мужик пьет походя ковш своего кваса. Кара последовала быстро, и не прошло и пол-

* главной фавориткой (франц.).

года, как его хватил смертельный удар среди грядок и борозд, приготовленных для новых посадок. Старика похоронили прилично, а что было делать с беспомощной вдовой? Она рвалась на родину. Но Воронцов решил, как потомок и последователь рыцаря Баярда⁸, дать вдове успокоиться и «прийти в себя» и просил ее жить в отведенном ей с мужем арабском павильоне в его саду и сам стал помогать ей «пережить молодое горе».

Устроив и всю свою жизнь и жизнь своих близких с точностью безупречного хронометра, Воронцов ежедневно в семь часов заходил на террасу к вдове выкурить свою вечернюю сигару и утешал ее не словами, на которые он всегда был очень скуп, а ласковым взором, которым он, если хотел, мог согреть душу всякому, кто был ему нужен.

Скоро двор стал замечать, что, навещая ежедневно, минута в минуту, киоск вдовы, Воронцов или раз в неделю, а иногда и два раза, по понедельникам, а иногда еще и по четвергам вместе с вдовой на час входил внутрь киоска. И тогда двери киоска запирались, а шторы из оранжевого шелка ее спальни задергивались. А затем лучший ювелир Тифлиса получил заказ изготовить для Ирма ожерелье из отборных алмазов.

Так Ирма, «не успев еще износить башмаков» после своего виноградаря, стала тифлисской мадам Дюбарри.

Этого звания она была вполне достойна. Высокая, стройная, она везде была щедро наделена природой. И наши казаки, глядя на нее, смеялись, будто «вона двоих кавунчиков ховае» у себя под рубашкой. Но когда на ближайшем балу она показалась в своем ожерелье на открытых елико возможно мраморных плечах, пришлось всем признать, что это не кавуны, а нечто гораздо более соблазнительное и вкусное.

Наградила природа ее и силой. Она была лихая наездница, и лучшие кони воронцовской конюшни ходили под ее седлом.

Не желая в одиночку любоваться ее прелестями, Воронцов заказал ей мундир венгерского улана из голубого бархата с серебряным шитьем. И в узких рейтузах, плотно облегавших ее литые ноги, в лаковых сапожках с серебряными шпорами она верхом по-мужски скакала по горным улицам Тифлиса и тропинкам его предместий.

В охрану ей всегда по очереди давали одного из адъютантов. И мне, тоже ездуку не из последних, не раз приходилось удивляться и ее смелости и уменью.

Свиту Воронцова составляло двенадцать адъютантов, все молодых, на подбор красавцев из лучших родов империи. Но первенствовал между ними, бесспорно, барон Ричард, остзейский немец, прозванный Ричардом Львиное Сердце за свою храбрость, недавно сосланный из столицы за «излишнюю проворность».

Там знатные, но скудные средствами родители готовились поправить свои дела и достичь высших благ через высокое внимание первой особы к их юной дочери-красавице, только что кончившей с шифром Смольный.

Тогда смолянки с шифром были на виду, и не одна из них достигала всех благ покорным отношением к игривым капризам особ, нуждавшихся в общении с юными красавицами для отдохновения от государственных забот и вопросов большой политики.

Но барон Ричард, воспользовавшись отъездом родителей смолянки к тяжело заболевшей замужней дочери, рассек все расчеты семьи, получив то, что предназначалось для особы, стоявшей неизмеримо выше и его самого и всех нас вообще.

Когда особа эта с досадой узнала, что барон сорвал плод, предназначенный ей самой, было повелено:

— В 24 часа на Кавказ, к Воронцову. Там проворные люди нужнее....

И Ричард из объятий смолянки, поспешно выданной за какого-то полу-

слепого сенатора, попал на Кавказ в нашу веселую, молодую среду и сразу всех очаровал, начиная с самого Воронцова, вскоре после его появления удостоившего высшей похвалой на своих сдержанных устах:

— A very pretty gentleman *.

Этого титула надо было заслужить⁹.

И как же я удивился, когда, уехав на месяц в родной Ржев, чтобы выдать замуж свою сестренку, вернувшись, узнал, что барона Ричарда постигла новая опала: опять в 24 часа, по приказу уже Воронцова, его, отчислив от свиты, перебросили в глушь линейных батальонов под самый огонь немирных абреков.

Причину новой опалы, на сей раз куда более жестокой, никто не знал, и, боясь сплетен, которые всегда доходили до Воронцова, все упорно воздерживались от догадок на этот счет.

Только одна из гладильщиц, иногда по ночам тайком пробиравшаяся ко мне в комнату, чтобы проверить мое холостое белье, шепнула мне украдкой, что дело все в «проклятушей» венгерке, как ее звали все важные и неважные женщины окружения Воронцова, вернее всего из зависти к ее судьбе.

Поверить этому было трудно: венгерка все так же скакала в своем голубом мундире; по-прежнему минута в минуту каждый день шел к ней на террасу Воронцов курить свою вечернюю сигару, и по-прежнему в понедельник, а изредка и в четверг, на час задерживались оранжевые шторы ее спальни.

И я перестал верить явному злоречению своей ночной гостью.

Однако злоречение оказалось на поверку правдой, как мне скоро рассказала... сама Ирма.

Пришла моя очередь скакать с нею. В этот раз она нервничала. И конь ей попался непослушный, и на всем скаку вдоль Куры нас задержал обоз с ранеными с линии, а Ирма таких тяжелых картин не любила.

И вот, заехав в глушь какого-то ущелья, она раньше обычного решила вернуться в город. Привязав лошадей к стволу засохшей чинары, мы сели с ней передохнуть перед обратным маршем домой.

Она курила свои пахитосы из золотого портсигара, а я глядел на столетние камни и глыбы.

— Вот так камни! — вырвалось у меня.

— Это не камни, камни — это ваш Воронцов, — возразила, как всегда на плохом немецком наречии, Ирма.

— Не мой, а ваш, — поправил я, — вы его любовь, его кумир.

— И не любовь и не кумир, а всего-навсего чашка, из которой он изволит изредка пить глоток своих наслаждений.

— Он вас так любит, так ценит, — продолжал спорить я.

— Не говорите о том, чего не знаете, — гневно оборвала меня Ирма. — Если бы он хоть крошечку любил меня, он не сделал бы того, что он мог сделать только с вещью, а не с женщиною.

И, видя по моему лицу, что я жду ее пояснений, она начала рассказывать, видимо, потому, что ей хотелось кому-нибудь рассказать то, что лежало у нее на сердце.

— Из-за меня погибнет Ричард. Его там наверное убьют. Я его не любила, но ласки стариков меня только дразнят, и мне хотелось узнать настоящую, сильную любовь сильного мужчины. Это вкусно. И вот в те часы, когда князь принимал у себя в кабинете чиновников, я несколько раз пускала к себе Ричарда. Еще покойный муж в таких случаях требовал, чтобы я оставалась совсем голой. То же нравится и Воронцову. Так лежали

* Очень милый благородный человек (англ.).

и мы с бароном, и вдруг раз, в самый разгар наших объятий, слышу голос князя: «Корнет, простите, вы не по форме одеты».

Мы и забыли запереть дверь, а из гостиной в мою спальню двери нет, а есть арка, завешенная ковром.

Сказав это, князь вышел на террасу и, хотя час был не положенный для его визитов, курил свою сигару.

Я и не заметила, как оделся и прошмыгнул другим ходом барон, а я, накинув халат, вышла к князю узнать свою участь.

Он был со мною ласков и мил, как будто ничего не случилось. Сделав несколько затяжек своей сигарой, он позвонил в сонетку и, когда пришла моя Фанни, сказал ей:

— Приготовьте омовение для мадам и перемените наволочку и простыни на постели.

Фанни вымыла меня, переменяла белье, и затем вошел князь, и все произошло так, как будто ничего не случилось. Он так же, как всегда, целовал и гладил мое тело, а затем, разгорячившись, выпил свой глоток любви.

Затем, приводя в порядок свои одежды, он извинился передо мной:

— Извините, дорогая, что я позволил себе побеспокоить вас в необычный час. Но мне сегодня Андреевский показал новую пачку веселых картинок, и, чтобы к голове не было вредного прилива, я должен был не в очередь затруднить вас.

И с этими словами ушел. И с этих пор все идет вот уже месяц по-старому. Так кто же я для него? Женщина? Друг? Нет, я просто чашка, из которой он пьет лекарство от своих вредных приливов. Другой посмел выпить из нее. Дерзкого наказали, а к чашке привыкли, ее не разбили, не выкинули брезгливо, а только... выполоскали и снова стали пускать в ход...

И с этими словами Ирма вдруг разрыдалась так, что мне едва удалось ее успокоить настолько, чтобы мы могли снова сесть на коней.

На мой вопрос, как ужилась она дальше с Воронцовым, — генерал ответил:

— Чего не способны сделать деньги и комфорт? Ирма оставалась при Воронцове до самой его смерти. И он, как хорошо заведенная машина, все ходил к ней курить свои вечерние сигары, и в положенные дни задерживались сторки на окнах ее спальни.

А после его смерти она получила по завещанию 50000 рублей, вышла замуж за его старшего камердинера и с ним вместе открыла в Феодосии отель, где мне однажды пришлось проездом остановиться. Из лихой наездницы она стала девоткой* и все читала какие-то священные книжечки с золотым обрезом, а меня признать не пожелала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из стихотворения «Ответ анониму».

² «Беседа пресвященного Никанора, архиепископа Одесского и Херсонского, в неделю блудного сына, при поминовении раба божия Александра (поэта Пушкина), по истечении пятидесятилетия по смерти его». Была произнесена 1 февраля 1887 г. в церкви Новороссийского университета и в расширенном виде напечатана в «Православном обозрении», где ее и прочел Лесков. Изображая молодого Пушкина «совратившимся в язычество», поклонявшимся Киприде, Вакху и «всем языческим божествам», воспевавшим «все страсти в самом диком их проявлении», автор речи сопоставлял поэта с евангельским «блудным сыном» и изображал его раскаявшимся к концу жизни во всех своих «заблуждениях». «Неделя блудного сына» отмечалась церковью в 1887 г. со 2 по 8 февраля.

Никанор Бровкович (до пострижения Александр Иванович; 1827—1890) выступал в печати также с резким осуждением нравственного учения Л. Н. Толстого.

³ Н. Х. Бунге — о нем см. примеч. 2 к рассказу «Счастье в двух этажах».

* ханжой (от франц. *dévôte* — набожная, благочестивая).

⁴ Лесков ошибся: род Воронцовых прекратился со смертью сына М. С. Воронцова, Семена Михайловича (1823—1882). Возможно, что Лесков имел в виду графа Иллариона Ивановича *Воронцова-Дашкова* (1837—1916), который в 1881—1897 гг. был министром двора; но он принадлежал к другой ветви рода Воронцовых.

⁵ Алексей Петрович *Ермолов* (1772—1861) был с 1817 г. главноуправляющим Грузией и командиром отдельного Кавказского корпуса. В 1827 г. был уволен в отставку, а на его место был назначен И. Ф. Паскевич. Прожив до конца жизни на положении опального, Ермолов, славившийся своим независимым нравом и острым языком, с ревливой язвительностью относился и к своему преемнику Паскевичу и к Воронцову, назначенному наместником Кавказа в 1844 г. Лесков запечатлел Ермолова в образе генерала Стрепетова (роман «Некуда») и написал в 1869 г. биографический очерк «Алексей Петрович Ермолов» (*Лесков*, т. 10, с. 157—167).

⁶ Елизавета Ксавьерьевна *Воронцова* (рожд. графиня Браницкая; 1796—1880).

⁷ Эраст Степанович *Андреевский* (1809—1872) — врач. Служил при Воронцове еще в Одессе; после назначения Воронцова на Кавказ переехал в Тифлис, где занял должность гражданского генерал-штаб-доктора Кавказа.

⁸ Пьер дю Террайль *Боярд* (1476—1524) — французский дворянин, прославившийся своим мужеством и благородством. Его имя стало символом «рыцаря без страха и упрека».

⁹ По поводу этой истории Б. В. Варнеке писал 26 мая 1939 г. А. Н. Лескову: «Весь рассказ про причину ссылки барона на Кавказ я читал когда-то во французской книжечке из библиотеки казанского историка Д. А. Корсакова. Заглавие что-то вроде «Les amours du palais Impériale» *. Не помню кто (читал в 1914 г.), не то Николай I, не то его мечтательный сынок, сослал на Кавказ адъютантом за то, что он trop vite **. Едва ли таких книжечек не знал Николай Семенович» (ГМТ, ф. 34, № 6515).

* «Любовные похождения в императорском дворце» (*франц.*).

** очень шустр (*франц.*)